Великие Полководцы России

ПОЛКОВОДЦЫ ИМПЕРИИ

ДИБИЧ

ЛОРИС-МЕЛИКОВ

СКОБЕЛЕВ

МАКАРОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На протяжении XIX века российская императорская армия выступала в роли защитницы национально-государственных интересов империи. На Кавказе и Балканах, в песках Средней Азии и на полях Маньчжурии русский солдат защищал честь и достоинство России. В новой книге серии вы узнаете о славных сынах Отечества – полководцах, чьи имена заставляли врагов склонять головы в знак уважения, чьи портреты не сходили со страниц газет и кто поднял воинскую славу России на недосягаемую высоту.

- Полководцы империи. Иван Дибич, Михаил Лорис-Меликов, Михаил Скобелев, Степан Макаров
  - ○
  - ○ Дибич Иван Иванович
    - ■
    - ■ Война 1812 года. Заграничные походы
    - ■ Начальник Главного штаба
    - ■ Русско-турецкая война 1828–1829 гг
    - ■ Польская кампания 1830–1831 гг
    - ■ «Самовар»
  - ○ Лорис-Меликов Михаил Тариелович
  - ○ Скобелев Михаил Дмитриевич
    - ■
    - ■ «Почему его называли белым генералом»?
    - ■ Ранняя биография и военное образование
    - ■ Хивинский поход
    - ■ Военный губернатор
    - ■ Русско-турецкая война 1877–1878 гг
    - ■ Ахал-текинская экспедиция
  - ○ Макаров Степан Осипович
  - ○ Армия и войны в правление Николая I
    - ■
    - ■ Русско-турецкая война 1828–1829 гг
    - ■ Крымская война 1853–1856 гг

Полководцы империи. Иван Дибич, Михаил Лорис-Меликов, Михаил Скобелев, Степан Макаров

Редактор ***кандидат исторических наук Н. А. Копылов***
Редактор-составитель ***доктор исторических наук М. Ю. Мягков***

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.
© ИД «Российское военно-историческое общество», 2014 год.

Дибич Иван Иванович

2 мая 1785–29 мая 1831

Иван Иванович Дибич получил при рождении имя Иоганн Карл Фридрих Антон фон Дибич и получил военное образование в берлинском кадетском корпусе. Его отец, прусский офицер, с 1798 г. состоял на русской службе. В 1801 г. Дибич был взят из корпуса отцом для определения на русскую службу и в том же году зачислен прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк.

Скоро приобретенные им теоретические познания пришлось проверить и применить на деле. В 1805 г. разгорелась война с

Францией, и Дибич вместе с полком выступил в поход, положивший начало его блистательной боевой карьере. 20 ноября 1805 г. в сражении при Аустерлице Иван Иванович был ранен в кисть правой руки, взял шпагу в левую руку и до конца боя оставался при своей роте, за что и награжден был золотою шпагою с надписью «За храбрость».

Сражения и победы

Генерал-фельдмаршал русской армии (1829 г.), полный кавалер ордена Св. Георгия, любимец сразу двух императоров – Александра I и Николая I.

Воспитанник прусской военной школы, И. И. Дибич отличался честолюбием, чины и ордена он добывал и шпагой, и умом. В 27 лет стал генералом. В решающей Битве народов его личная храбрость и советы способствовали победе союзных армий над Наполеоном. А по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг., за которую Дибич получил именование Забалканского, у ног Николая I лежал Константинополь. Поднятие креста на Святой Софии становилось реальностью…

Участие в кампаниях 1806 и 1807 гг. привело к дальнейшему карьерному росту молодого офицера, который был в основном прикомандирован к квартирмейстерской части (аналог современного генерального штаба). Как говорили злые языки, одною из причин этому был его малый рост: в походе он не мог поспевать за гренадерами. С другой стороны, именно квартирмейстерская служба дала окрепнуть природным военным дарованиям Дибича.

В сражении при Гейльсберге он был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени за весьма удачное расположение батареи на правом берегу р. Алле. Батарея, действовавшая на неприятельском фланге, своим удачным огнем остановила противника и прикрыла отступление своих войск. Сражения при Прейсиш-Эйлау, Гутштадте, Фридланде, также позволили выдвинуться вперед молодому офицеру, возвратившемуся в Россию в чине капитана и имевшему, помимо Георгия, орден Св. Владимира 4-й степени и прусский орден «За заслуги».

В 1810 г. Дибич, не прекращая изучения теории военного дела, был определен в свиту Александра I по квартирмейстерской части и при содействии управлявшего тогда этой частью князя Волконского поступил на место дежурного штаб-офицера в

корпус графа Витгенштейна. В том же году подполковник Дибич обратил на себя внимание запиской, под заглавием Organisations-planeines Requisitions-systems (план организации реквизиционной системы), представленной военному министру по поводу предстоящих тогда военных действий. В сентябре 1811 г. 26-летний Дибич был произведен в полковники.

Война 1812 года. Заграничные походы

Отечественная война 1812 года застала Ивана Ивановича обер-квартирмейстером в прикрывавшем Санкт-Петербург корпусе графа Витгенштейна, под знаменами которого он участвовал во многих сражениях. Отличился в трехдневном бою 18, 19 и 20 июля под Якубовым, Клястицами и Головчицами и в двухдневном 5 и 6 августа у Полоцка, где, став во главе трехтысячного отряда плохо обученных ополченцев, овладел мостом и тем парализовал натиск французов. За эти отличия получил ордена Св. Владимира 3-й степени и Св. Георгия 3-й степени. Затем за бои у с. Юровичи и 6–9 октября за Полоцк награжден был орденом Св. Анны 1-й степени.

18 октября 1812 г. он получил генерал-майорские эполеты, а за участие в последующих боях – золотую шпагу с бриллиантами и с надписью «За храбрость». Способности Ивана Ивановича по достоинству были оценены Александром I. Дибич стал генерал-квартирмейстером армии Витгенштейна и в этом звании вступил с русскими войсками в Берлин, оставленный им 12 лет назад всего лишь прапорщиком.

Сражения с Наполеоном идут одно за другим, награды за них – тоже. В 1813 г. Дибич, удостоившийся получить от прусского короля орден Красного Орла 1-й степени, стал генерал-квартирмейстером союзных русско-прусских войск и в этом звании участвовал в сражениях под Люценом и Бауценом. Когда к коалиции против Наполеона I примкнула Австрия и австрийский фельдмаршал князь Шварценберг стал главнокомандующим всех союзных войск, Дибич под его началом сумел отличиться в сражении под Дрезденом. Тогда под ним были убиты две лошади, а сам он получил сильную контузию. За сражение под Кульмом он был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени. В решающем сражении под Лейпцигом не только личная храбрость, но и советы Дибича настолько способствовали победе союзных армий, что князь Шварценберг прямо на поле битвы снял с себя орден Марии-Терезии малого креста и надел его на Дибича, а император Александр I произвел его в генерал-лейтенанты.

Доверие императора к Дибичу так возросло, что, присутствуя на военных советах и оспаривая аргументы авторитетных прусских и австрийских генералов, он часто склонял императора к принятию своего решения. Так, например, после переноса военных действий непосредственно на территорию Франции он представил убедительные доводы необходимости скорейшего движения союзных войск на Париж, что привело к быстрому

окончанию кампании. На высотах Бельвиля, на фоне покорившейся столицы Франции, император пожаловал Дибичу орден Св. Александра Невского.

Наполеоновские войны, еще больше укрепив боевую репутацию молодого генерала, создали ему прочное положение в ближайшем окружении Александра I, что в скором времени явилось причиной очередного карьерного взлета Дибича. Он был назначен начальником штаба 1-й армии и вскоре получил звание генерал-адъютанта.

Поспешное отступление французов в Битве народов под Лейпцигом. 19 октября 1813 г.

В начале 1815 г. он выгодно женился на племяннице князя Барклая-де-Толли, баронессе Женни Торнау.

Начальник Главного штаба

1821 год стал также удачным для карьеры будущего фельдмаршала: император взял его с собой на Лайбахский конгресс – и с этого времени Дибич становится его неразлучным спутником. На этом конгрессе Иван Иванович получил от австрийского императора орден Леопольда 1-й степени, а от российского монарха – орден Св. Владимира 1-й степени. В 1823 г., когда благодаря покровительству Аракчеева он стал исполнять обязанности начальника Главного штаба, а вскоре именным указом императора стал его главой, сменив на этом посту князя Волконского.

«Причем российский монарх дал ему особые наставления, касавшиеся отношений с А. А. Аракчеевым: «Ты найдешь в нем, – сказал Александр, – человека необразованного, но единственного по трудолюбию и усердию ко мне; старайся с ним ладить и дружно жить: ты будешь иметь с ним часто дело и оказывай ему возможную доверенность и уважение». Одновременно с утверждением в должности начальника Главного штаба, Иван Иванович назначен был также управляющим квартирмейстерскою частью, и в этом звании оказал благотворное влияние на всю армию, принеся много пользы для дела ее внутренней организации.

Помимо своих прямых обязанностей, Дибич неотлучно сопровождает императора во всех его поездках. Находился он при царе и во время его последнего путешествия в Таганрог, когда Александр I заболел, а 19 ноября 1825 года скончался в присутствии императрицы и лиц свиты…

Из находившихся при императоре трех доверенных лиц: генерал-адъютантов князя Волконского, барона Дибича и Чернышева ни один не знал о существовании акта, назначавшего Великого князя Николая Павловича наследником престола. Впоследствии генерал-адъютант Дибич рассказывал Михайловскому-Данилевскому: «Государь, поверявший мне многие тайны, не говорил мне, однако, об этом ни слова. Однажды мы были с ним в поселениях (военных), и он, обращая речь к Великому князю Николаю Павловичу, сказал ему: «Тебе надобно будет это поддерживать». Я ничего другого из сих слов не заключил, как то, что, судя по летам Великого князя, он, пережив Государя и Цесаревича, будет их преемником».

Ситуация, сложившаяся в стране в связи с подготовкой выступления на Сенатской площади, позволила Дибичу заслужить особую благосклонность нового императора. Он донес Николаю

Павловичу о существовании заговора и принял меры к его раскрытию. Оценив лояльность и усердие, император Николай I в день своей коронации (22 августа 1826 г.) произвел Дибича в генералы-от-инфантерии. После этих событий Иван Иванович Дибич до конца своей жизни был ближайшим советником Николая I, пользовался его полным доверием.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг

Самым удачным периодом в карьере Дибича стала русско-турецкая война 1828–1829 гг., которая вознесла его на вершину полководческой славы. В 1828 г. Россия решила оказать помощь православным грекам в их войне за национальную независимость и 2 апреля объявила Турции войну. Дибич как начальник Главного штаба прибыл в Молдавию. 25 апреля он форсировал реку Прут, 27 мая переправился с войсками через Дунай, приняв активное участие в осаде Варны, за что был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного. Пользуясь неограниченным доверием императора и ведя с ним переписку, Дибич фактически руководил военными действиями вместо главнокомандующего генерал-фельдмаршала графа П. Х. Витгенштейна, а уже в феврале 1829 г. принял официальное командование русскими войсками. Его назначение коренным образом изменило обстановку на театре военных действий. 19 июня 1829 г. сдалась крепость Силистрия, а Дибич стал готовить армию к походу на Балканы, который начался 2 июля 1829 г. Причем на долю графа Дибича выпала участь бороться не только с турками, но и с не менее опасным противником – чумой, сильно ослабившей его армию.

Известный прусский фельдмаршал Мольтке отметил: «Оставляя в стороне материальное ослабление вооруженных сил, должно признать в главнокомандующем необыкновенную силу воли, чтобы среди борьбы с такими ужасающими и распространенными бедствиями не терять из вида великую цель, которая могла быть достигнута, придерживаясь неизменно решительного и быстрого образа действий. По нашему (т. е. Мольтке) мнению, история может произнести в пользу действий графа Дибича в турецкую кампанию нижеследующий приговор: располагая слабыми силами, он предпринимал только то, что представлялось безусловно необходимым для достижения цели войны. Он приступил к осаде крепости и одержал в открытом поле победу, которая открыла ему доступ в сердце неприятельской монархии. Он очутился здесь с одним призраком армии, но ему предшествовала слава непобедимости. Россия обязана счастливым исходом войны смелому и вместе с тем осторожному образу действий графа Дибича».

В шесть переходов, попутно одержав важную победу при Сливне, русская армия прошла 120 верст и уже 7 августа оказалась под стенами Адрианополя, не видевшего русских дружин со времен киевского князя Святослава. На следующий

день Адрианополь сдался.

Эти подвиги графа Дибича, совершенные им на 45-м году от рождения, принесли ему именование Забалканского, алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 1-й степени, фельдмаршальский жезл. Сверх того, государь император пожаловал его супругу, графиню Анну Егоровну, в статс-дамы и высочайше повелел Черниговскому пехотному полку именоваться полком графа Дибича-Забалканского. Король Прусский удостоил фельдмаршала алмазными знаками ордена Черного Орла и богато украшенной алмазами шпагой с вензелем.

«Победоносная армия, предводительству вашему вверенная, – писал император к графу Ивану Ивановичу от 12 сентября 1829 года, – с самого открытия кампании не переставала ознаменовывать себя блистательнейшими подвигами. Совершенное разбитие главных сил Верховного Визиря при селении Кулевчи, покорение крепости Силистрии, незабвенный переход Балканских гор, овладение всеми крепостями Бургасского залива и занятие второстоличного города Адрианополя, суть дела, покрывшие ее неувядаемой славой. Но, не довольствуясь сим, отличные воинские дарования ваши явили свету событие, превосходящее даже меру ожидания. Вы не замедлили перенести победоносные знамена Наши пред врата самой Столицы неприятеля, и опершись правым флангом на морские силы Наши, в Архипелаге находящиеся, а левым на Черноморский Наш флот, принудили наконец Оттоманскую Порту торжественно признаться в бессилии своем противустоять Российскому оружию, и решительно просить пощады».

Преследование русскими конногвардейцами французских конных егерей под Полоцком. Художник Ф. Чирка.

У ног Николая I лежал Константинополь. Поднятие креста на Святой Софии становилось реальностью. Но этому не суждено было сбыться. Русское правительство не желало разрушения Османской империи. Переговоры привели к подписанию умеренного Адрианопольского договора, по которому Россия получала Кавказское побережье, а султан признавал независимость Греции и давал автономию Сербии.

Польская кампания 1830–1831 гг

Июльская революция во Франции 1830 г. побудила императора Николая послать Дибича в Берлин для переговоров с королем относительно совместных действий. Переговоры не увенчались успехом. Между тем успехи революции в Бельгии и просьбы нидерландского короля о помощи побудили императора Николая мобилизовать часть армии и двинуть ее к западной границе. Внезапно вспыхнувшее восстание в Польше заставило российского императора изменить первоначальные планы и направить эти войска против поляков. Вызванный из Берлина в декабре 1830 г. Дибич обещал подавить восстание одним ударом, однако кампания, несмотря на кровопролитные гроховское сражение и битву при Остроленке, затянулась на 7 месяцев. В начале апреля 1831 г. император Николай писал Дибичу: «Я не могу достаточно выразить вам мое беспокойство, основанное на том, что я во всех ваших распоряжениях не усматриваю ничего такого, что бы давало надежду на сколь-нибудь удачное окончание кампании и наконец и потому, что я ничего не усматриваю определительного в собственных ваших мыслях». Дибичу не суждено было довести подавление польского восстания до конца. 29 мая (10 июня) 1831 года он умер от холеры в селе Клещеве, близ Пултуска.

Уже 28-го числа он чувствовал себя не очень хорошо, но весь день был весел и никому из окружающих и в голову не приходила мысль о его скорой смерти. В этот день он обедал у графа Витта, затем по обыкновению прогулялся и лег спать. Перед сном главнокомандующий имел обыкновение выпивать стакан-другой шампанского и, как говорят, на этот раз ему подали бутылку, недопитую накануне, и граф на больной желудок выпил прокисшее вино. В 11-м часу ночи фельдмаршала разбудили по спешным служебным делам, причем он казался совершенно здоровым. В третьем часу ночи И. И. Дибич вдруг почувствовал себя плохо, позвал людей, но запретил беспокоить кого бы то ни было, даже врача. В четвертом часу, чувствуя усиление боли, он позвал слугу и приказал сказать лейб-медику Шлегелю, когда тот проснется, чтоб пришел к нему, строго запретив будить Шлегеля и беспокоить кого-либо еще. Рано утром доктор с ужасом нашел у фельдмаршала все признаки сильнейшей холеры. Тотчас же была пущена кровь, поставлены пиявки, и Шлегелю при помощи других врачей удалось около 7 часов утра несколько успокоить больного.

Обращаясь к графу Орлову, Дибич сказал: «Сообщите Его Величеству все, что вы видели; скажите ему, что я охотно умираю,

потому что я честно исполнил возложенные на меня обязанности, и счастлив, что запечатлел своею смертью верность моему Государю».

«Около десяти часов вопль страдальца, – писал императору граф Толь в своем донесении от 29 мая, – несколько уменьшился, но силы жизненные видимо ослабевали; дыхание делалось постепенно труднее; вскоре наступил род безжизненности, прерываемой лишь редкими движениями головы; взгляд совершенно потух, и наконец в 11 часов невозвратная потеря совершилась, и Всевышнему Промыслу угодно было лишить Армию достойного ее Предводителя».

И. И. Дибич похоронен на Волковом лютеранском кладбище в Петербурге.

«Самовар»

Нужно сказать, что И. И. Дибич как воспитанник прусской военной школы был не слишком любим в русской армии. Его считали ревнивцем и пьяницей. Первое обвинение никак не может соответствовать истине, что касается второго, несмотря на то, что графа почти никогда не видели пьяным, это мнение сложилось на том основании, что граф перед обедом выпивал обыкновенно одну рюмку водки, а затем во время обеда несколько стаканов вина, а вечером – два стакана крепкого пунша или шампанского.

Неприятной стороною характера Дибича был избыток честолюбия. Он не гнушался прибегать к разного рода интригам для устранения мнимых или действительных своих соперников.

Современники описывали его как малорослого и тучного человека с большой головой на короткой шее и длинными рыжими волосами. Короткие и толстые ноги не позволяли ему хорошо ездить верхом. Лицо – некрасивое, но с выражением энергии и ума. Взгляд – живой, быстрый и чрезвычайно проницательный. Речь – неясная, отрывистая и затруднявшая понять смысл его слов, людей, редко имевших с ним отношения. Раздражало его неряшество в одежде, доходившее до неопрятности.

Помимо внешних достоинств, по мнению современников, И. И. Дибичу недоставало близкого общения с подчиненными и других качеств, которые привлекают и греют сердца солдат. Характер фельдмаршала был вспыльчив до самозабвения, но также быстро отходчив. За кипучесть нрава ему даже дали прозвище «Самовар»: «Дибич – добрейшая душа, но он вечно кипит, как самовар, и к нему надобно приближаться осторожно, чтоб не обжечься брызгами!» Стоило Дибичу вспылить, как он уже не сдерживался, и из его уст слышалось: «Под арест, на гауптвахту, под суд, расстрелять!» Но уже через несколько минут граф совершенно успокаивался и отменял все наложенные им кары. Если же в минуту гнева Дибичу случалось кого-нибудь несправедливо обидеть, то он всегда сознавал свою ошибку и спешил ее исправить. Граф был очень религиозен, обладал замечательным образованием. Он не любил многолюдных собраний, особенно общества дам, но был весьма оживлен и весел в небольшом кругу, где разговор касался научных тем или военных вопросов.

ВИШНЯКОВ Я. В., к. и. н., МГИМО(У).

Лорис-Меликов Михаил Тариелович

19 октября 1824–12 декабря 1888

«Лорис-Меликов Михаил Тариелович – граф, один из замечательнейших государственных и военных деятелей России, родился в Тифлисе в семье состоятельного армянина, ведшего обширную торговлю с Лейпцигом», – так начинается статья о нем в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Происходил из дворян. Учился в Лазаревском институте восточных языков в Москве, затем в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге (1841–1843 гг.). «В Петербурге он близко

сошелся с Некрасовым, тогда еще безвестным юношей, и несколько месяцев жил с ним на одной квартире», – отмечает «Брокгауз и Ефрон». В 1843 г. выпущен корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

Сражения и победы

Государственный и военный деятель России, генерал от кавалерии (1875), член Государственного совета (1880). Герой Кавказа и «бархатный диктатор». Личная храбрость, талант администратора и природный ум позволили ему с успехом управляться с таким тревожным регионом, как Кавказ. Успешные боевые действия в Закавказье принесли ему славу покорителя Карса. В конце своей деятельности боролся с террористами и продвигал либеральные реформы в России.

В 1847 г. переведен на Кавказ офицером для особых поручений при наместнике гр. М. С. Воронцове, о котором вспоминал: «Ему я обязан всем. Эти десять лет при нем были для меня школой жизни… Приходилось бывать в обществе, не хотелось быть хуже других. Стал учиться, читать, думать, – не забывал и своего специального дела». В возрасте 22 лет Лорис-Меликов сражается в Малой Чечне, в Дагестане, участвует в прокладке дорог, устройстве огневых точек. Его непосредственный начальник (с 1848 г.) генерал-адъютант князь Аргутинский-Долгоруков высоко оценивает службу молодого офицера, решает поручать Лорис-Меликову сложные дела.

23 ноября 1851 г. Хаджи-Мурат – один из ближайших соратников Шамиля – перешел на сторону русских. При решении вопроса: кто и как будет его охранять, было принято решение, о котором М. С. Воронцов сообщал военному министру князю А. И. Чернышеву, что 8 декабря 1851 г. Хаджи-Мурат прибыл в Тифлис и поручен ротмистру Лорис-Меликову: «Отличному и очень умному офицеру, говорящему по-татарски, уже знающему Хаджи-Мурата, который, кажется, тоже вполне доверяет ему». В частности, Лорис-Меликов сообщил князю Воронцову, который, в свою очередь, доносил князю Барятинскому: «Чрезвычайно важным нахожу один пункт, о котором говорит Лорис, именно, что Хаджи-Мурат, по-видимому с добрыми намерениями, советует не дозволять выход к нам некоторых почетных чеченцев… Я, напротив, следовал всегда системе покровительства

всякому, желающему выселиться к нам, и не мог отказаться от этой системы. Нужно принять соответствующие меры, чтобы всякий желающий передаться нам был принят…»

Беседы с Хаджи-Муратом сами по себе были весьма полезными для понимания сущности войны на Кавказе, однако Лорис-Меликов просил дать ему возможность проявить себя в сражениях. 14 января 1852 г. М. С. Воронцов писал М. Т. Лорис-Меликову: «От души благодарю тебя еще за усердную и полезную службу твою и могу тебя утвердить. Что услуга, которую ты теперь нам оказываешь, не останется без должного вознаграждения. Согласно твоему желанию, я пишу сегодня к князю Барятинскому о востребовании тебя в отряд, где тебе можно будет остаться несколько дней для участия в боевых делах».

М. Т. Лорис-Меликова отозвали для сражений в зимней экспедиции – боевых действиях в районе Мескер-Юрту. Отряды горцев успешно атаковали русских. Тогда включилась артиллерия, и горцы начали отступать, «а стремительная атака казаков под командой гвардии ротмистра Лорис-Меликова, – как отмечалось в приказе от 26 февраля 1852 г. по Отдельному кавказскому корпусу, – довершила поражение неприятеля».

В тот же день наместник на Кавказе и главнокомандующий лично поздравил самого героя: «Я пишу тебе с отъезжающим от нас (из Тифлиса) фельдъегерем, чтобы сказать тебе, любезный Лорис-Меликов, что я был очень обрадован известием о прекрасном твоем кавалерийском деле, в котором ты так храбро с молодцами казаками атаковал кавалерию горцев…» В таких условиях быстро происходило повышение по службе и награды следовали одна за другой.

В сентябре 1848 г. поручик «за отличие, оказанное в делах с горцами», награждается орденом Святой Анны 4-й степени с подписью: «За храбрость». В 1849 г. Лорис-Меликов произведен в штаб-ротмистры. В августе 1850 г. новый орден: Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. В июле 1851 г. Лорис-Меликов становится ротмистром. В 1852 г. офицер награждается еще двумя орденами: Святой Анны 2-й степени с мечами и Святой Анны 2-й степени с Императорской короной. За отличие в сражении под Баш-Кадыкмаром против турок награжден золотой саблей с подписью: «За храбрость». За успешные действия в борьбе с горцами Лорис-Меликова произвели в полковники.

В Крымскую войну (1853–1856 гг.) М. Т. Лорис-Меликов на кавказском театре военных действий. Турецкой армии Абди-паши (около 100 тысяч человек) противостояли малочисленные гарнизоны. Война началась 4 (16) октября 1853 года, а 29 уже

октября у местечка Карачах Лорис-Меликов во главе казачьего эскадрона попал под обстрел противника. После этого сражения он непрерывно находился в схватках, проявлял мужество и находчивость. В апреле 1855 г. М. Т. Лорис-Меликов был назначен «состоять для особых поручений» при наместнике на Кавказе и главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом генерале Н. Н. Муравьеве. Лорис-Меликову подчинялся отряд в «три сотни охотников», состоящий из людей разных национальностей: русских и турецких армян, грузин, жителей мусульманских провинций. Они отличались отвагой, расторопностью, знанием местности, умением добывать информацию о противнике. Успешные военные действия, руководимые Лорис-Меликовым, способствовали началу главной операции – взятию крепости Карс. Началась осада Карса. Под натиском русских защитники крепости вынуждены были 16 ноября 1855 г. капитулировать. В результате был захвачен весь Карский пашалык (провинция, подчиненная власти паши). Теперь она стала Карской областью. Ее начальником был назначен Лорис-Меликов.

Предстояла сложная административно-хозяйственная деятельность на турецкой территории. Удалось установить отношения с турецкими чиновниками; начали действовать канцелярия, казначейство, полицейские и почтовые ведомства. По словам Н. Н. Муравьева, благодаря умелым распоряжениям Лорис-Меликова «порядок скоро водворился, как в области, так и в самом городе Карсе. Откупные, существовавшие при Турецком правлении, были приведены в известность и стали давать доходы, в числе коих важнейший получался от соляных копей, приобретенных нами на берегах Аракса, вблизи Кагызмана». Корректные распоряжения Лорис-Меликова проявились и в управлении духовной сферой. Выяснилось, что мечети, занятые во время военных действий под складские помещения, потеряли свое культовое значение. Русских обвинили в осквернении мусульманских святынь. Действовать пришлось оперативно. Начальник области собрал мулл. После чего мечети были срочно освобождены от посторонних предметов, что позволило восстановить службу.

> *Узнав об этом, князь Воронцов сразу же (18 февраля) из Тифлиса писал князю Барятинскому, командиру левого фланга Кавказской армии:*
>
> ***Я в восхищении от блестящей атаки казаков под начальством нашего храброго Лорис-Меликова.***

Дальнейшие международные события остановили успешные

действия администратора. В марте 1856 г. по Парижскому мирному договору Карс и его окрестности возвращались Турции в обмен на Севастополь и другие русские города, занятые союзниками. Во время процедуры передачи Карса Мушир Измаил-паша «от имени правительства дружески благодарил полковника Лорис-Меликова за попечение о Крае». Заслуги Лорис-Меликова особенно ценились в России. В августе 1856 г. М. Т. Лорис-Меликова произвели в генерал-майоры. В этот момент ему было только 30 лет.

После Крымской войны востребованность молодого генерала была велика. 10 июля 1857 г. новый наместник на Кавказе генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский обратился с рапортом к военному министру Н. О. Сухозанету откомандировать в Кавказский корпус именно Лорис-Меликова, который становится начальником войск в Абхазии и инспектором линейных батальонов Кутаисского генерал-губернаторства.

В 1860 г. следует новое повышение в должности – пост военного начальника Южного Дагестана и дербентского градоначальника. В этом же году Лорис-Меликов выполняет важное дипломатическое поручение. 11 мая 1860 г. князь Барятинский докладывал Александру II, что М. Т. Лорис-Меликов послан в Константинополь, где вместе с послом России в Турции князем А. Б. Лобановым-Ростовским должен добиться согласия турецкого правительства «на открытие нам трех пунктов на границе, чтобы туда направить группы переселенцев…». Миссия была успешно выполнена, и Лорис-Меликов в июне 1860 г. получил очередной орден – Святой Анны 1-й степени с мечами.

Кавказ, этот тревожный регион, находился в центре внимания властей страны, беспокоил и ближайшее окружение Александра II. В марте 1863 г. Великий князь Михаил Николаевич собрал во Владикавказе представителей разных народов Терской области и объявил, что их начальником станет генерал Лорис-Меликов. По мнению Великого князя Михаила Николаевича, глава Терской области достоин нового производства. Император Александр II прислушался к мнению своего брата – 17 апреля 1863 г. Лорис-Меликов стал генерал-лейтенантом.

Между тем обстановка в крае не была благоприятной. Сложившиеся обстоятельства заставляли Михаила Тариеловича глубже ознакомиться с вверенным ему обширным краем, расположенным от Главного Кавказского хребта на юге до границ Ставрополья и Астраханской области на севере.

Вопрос о переселении северокавказских народов для нового начальника Терской области стал наиболее сложным. Ему думалось, что можно ограничиться переселением горцев внутри

вверенной ему территории – с горных районов на равнину. Но кавказский наместник воспротивился этому. Так началось массовое выселение горцев Терской области в Турцию. В Константинополе по улицам толпами бродили голодные переселенцы, на что обращала внимание европейская пресса, обвиняя правительство России в «варварском насилии» над племенами Кавказа.

На освобожденные земли селили казаков. Так возникла казачья зона – от Владикавказа до Кумыкской плоскости.

Недовольство местного населения давало о себе знать. Но Лорис-Меликов стремился сделать все возможное в условиях Кавказа. В своих многотрудных делах он нашел надежного помощника. Это был черкес Дмитрий (Лукман) Кодзоков. До сих пор о нем молчала литература, посвященная деятельности Лорис-Меликова. Выпускник Московского университета, знаток Кавказа служил чиновником по особым поручениям при наместнике Великом князе Михаиле Николаевиче. Лорис-Меликов назначил образованного чиновника председателем Комиссии по разбору личных и поземельных прав жителей Терской области.

Так в Терской области реализовывались реформы 60–70-х годов, проводимые в Центральной России, что способствовало развитию товарного земледелия, укреплению личных хозяйств, притоку рабочей силы из центральных губерний. Наместник Кавказа и император Александр II следили за многогранной деятельностью Лорис-Меликова. 19 апреля 1865 г. М. Т. Лорис-Меликов награждается орденом Белого Орла.

Высокая оценка управленческой деятельности Лорис-Меликова не могла оставаться без последствий. Высочайшим приказом от 30 августа 1865 г. он был назначен генерал-адъютантом к Его императорскому величеству, «с оставлением в занимаемых должностях».

Административно-военная деятельность Лорис-Меликова в Терской области привела его к выводам, с которыми он спустя много лет поделился со своим другом доктором Н. А. Белоголовым:

Издатель Л. Ф. Пантелеев писал: «Из бесед с Михаилом Тариеловичем вынес… впечатление, что от природы он обладал большим умом и способностью быстро усваивать новые для него идеи. В бытность мою на Кавказе… я там в первый раз услышал имя Лорис-Меликова и притом с весьма выгодной стороны. В качестве начальника Терской области он не только сумел поддержать порядок, но в то же время заслужил полное доверие туземцев. В беседах со мной Лорис-Меликов охотно пускался в рассказы о Кавказе, особенно о горцах, о том, как, собственно,

легко ими управлять, если только бережно относится к их народным обычаям».

Объехав в 1871 г. северокавказские земли, ознакомившись с порядками в регионе, с положением населения, армейских частей, Александр II писал брату Михаилу: «Целый ряд мероприятий, задуманных и исполненных под непосредственным вашим руководством, привел к водворению в горских обществах прочного порядка и настолько продвинул гражданское их развитие, что ныне признано возможным многие из них подчинить общим с русским населением гражданским учреждениям».

Не исключено, что в подобных случаях, императору показывали только то, что могло понравиться Его величеству. Хотя нельзя исключать, что результаты административно-военной деятельности Лорис-Меликова раскрывали перед императором некоторые прогрессивные нововведения. О переменах в крае свидетельствовал В. П. Мещерский, посетивший осенью 1877 г. Владикавказ. «Маленький городок» начальник Терской области Лорис-Меликов «сделал красивым и большим городом, с бульварами, театром, большими зданиями для училищ, казармами, госпиталем и оставил здесь о себе память даровитейшего администратора…»

Некий автор письма к цесаревичу Александру Александровичу (будущему императору Александру III) отмечал: «В Тифлисе мне рассказывали, что будто бы Вы терпеть не можете Лориса, и в последний приезд Ваш на Кавказ выказали и высказали это довольно резко. Не знаю, как теперь Ваше мнение о Лорисе, но одно могу сказать: это одна из самых умных личностей государственного человека и вдобавок честная, как спартанец относительно денег! Тонкость его ума, образованность и ловкость этого человека замечательны, и если когда-либо Вы бы задали себе вопрос: что делать с Лорисом, все знающие его сказали бы единогласно: вот тип посла, в Англию, если не в Константинополь (авось там уже его не будет), или министра Государственного Имущества, ибо его отличительная черта, – это быть тем, чем у нас никто не умеет быть: хорошим администратором!»

Правительство сделало все что могло, оно силой оружия закрепило Кавказ за империей, но чтобы присоединение это обратилось в прочную, неразрывную связь, необходимо культурное влияние, нужно, чтобы русские люди и капиталы устремились в этот благодатный край и устраивались в нем

земледельцами, промышленниками, фабрикантами.

Нижегородские драгуны, преследующие турок по дороге к Карсу во время Аладжинского сражения 3 октября 1877 г. А. Кившенко.

Благодаря своим административным способностям Лорис-Меликов много сделал в деле стабилизации положения в регионе, стремился осуществить там управление хозяйственной жизнью. Но многовековые обычаи и традиции горцев, непрерывное ожидание локальных восстаний – все это не позволяло полностью решить кавказскую проблему.

В мае 1875 г. в связи с болезнью Лорис-Меликов оставил пост начальника области, был назначен состоять при наместнике на Кавказе Великом князе Михаиле Николаевиче, а затем уехал для лечения в Эмс (Германия).

К осени 1876 г. угроза войны с Турцией становилась все более реальной. Кавказский театр военных действий должен был отвлечь силы противника от Балкан. 11 ноября 1876 г. последовал высочайший приказ о назначении Лорис-Меликова командующим действующим корпусом на кавказско-турецкой границе с «оставлением в звании генерала-адъютанта и по Терскому казачьему войску».

12 (24) апреля 1877 г. Александр II издал манифест о войне с Турцией. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М. Т. Лорис-Меликов фактически руководил военными действиями в Закавказье. 5 мая 1877 г. русское командование предложило турецкому коменданту сдать Ардаган. За взятие Ардагана Лорис-Меликов был пожалован орденом Святого Георгия 3-й степени. И в дальнейшем корпус успешно громил неприятеля. За отличие при разгроме армии Мухтара-паши на Аладжинских высотах

Лорис-Меликов пожалован орденом Святого Георгия 2-й степени. Свободно объясняясь на турецком, персидском, армянском языках, он (как и прежде на Кавказе) охотно принимал у себя влиятельных лиц покоренной местности и, беседуя с ними, часто выяснял состояние сил неприятеля. Также допрашивал пленных, беседовал с простыми крестьянами.

Из речи М. Т. Лорис-Меликова к жителям Аргунского округа 21.10.1865 г.:

Два года тому назад я благодарил вас за ваше поведение. Радуюсь, что и в этот приезд могу повторить свою благодарность.

Однако обстоятельства пока складывались не в пользу русских войск: пришлось отказаться от блокады Карса. Генерал-майор С. О. Кишмишев рассмотрел этот эпизод в книге о войне в Турецкой Армении в 1877–1878 гг. (1884), которую высоко оценил Михаил Тариелович. Что касается снятия осады Карса, Кишмишев отмечал, что это «история запишет в число замечательных военных событий». Из книги генерал-майора С. О. Кишмишева (о снятии осады Карса): «…Таким счастливым исходом мы обязаны исключительно энергии командующего корпусом, обнаружившейся в последние дни осады в изумительной степени: он все предвидел, все предусмотрел, всем распоряжался лично, все принял в соображение. Успех дела был достойною и лучшею наградою за громадные труды и заботы, понесенные в эти дни генерал-адъютантом Лорис-Меликовым».

Но вот наконец в ночь на 6 ноября 1877 г. был подготовлен штурм Карса. Н. И. Сперанский, штабс-капитан (о штурме Карса): «Часов в 5–6 вечера мы узнали по секрету, что на сегодняшнюю ночь назначен штурм Карса… Наступило 8 часов вечера. Почти полная луна высоко взошла на небе и осветила серебряным светом белые стены и минареты страшной и могучей крепости… Наконец с облегчением мы узнали, что Вел. кн. с корпусным командиром Лорис-Меликовым выехали из своей ставки и отправились на позицию. Это было в начале 9 часа вечера, к этому же времени все войска, назначенные для штурма, стояли уже на своих местах в нескольких верстах от Карса».

Главное сражение под руководством Лорис-Меликова утром 6 ноября успешно завершилось. В 10 часов утра командующий корпусом был в крепости. Потом перед Лорис-Меликовым предстал начальник артиллерии Карса Гусейн-бей. На вопрос Лорис-Меликова: «Не лучше ли было сдать Карс и избегнуть кровопролития, чем быть свидетелем такой печальной картины?» – он ответил: «Такую крепость, как Карс, нельзя было

сдать без боя».

Радостно приветствовали взятие Карса в различных кругах России. 7 ноября 1877 г. председатель Комитета министров П. А. Валуев записал в дневнике: «Карс взят штурмом. Самое блистательное дело нашего века. Хвала и слава Кавказской армии». Назвал Валуев и главного виновника торжества: Лорис-Меликов, «победитель Карса». Днем раньше и Д. А. Милютин отметил в дневнике: «Сегодня великая радость: телеграмма Великого князя Михаила Николаевича о взятии Карса».

Описав взятие Карса, корреспондент газеты «Голос» отметил, что заслуги самого Лорис-Меликова выделяются особо. Честь этому замечательному генералу отдают не только русские, но и иностранные публицисты. Вот что писал корреспондент французской газеты Temps: «Лорис-Меликов вполне светский и ученый человек. Он далеко еще не стар (ему 52-й год) и располагает к себе всех кротостью своего общения».

Сам М. Т. Лорис-Меликов писал о крепости Карс: «Оплот Азиатской Турции; крепость эта при некотором приспособлении и сокращении линии ее обороны может сделаться совершенно недоступной для неприятеля и послужит нам твердым опорным пунктом».

В начале XX в. было решено соорудить памятник погибшим во всех штурмах крепости Карс. Первое место занял проект скульптора Б. М. Микешина – сына художника-монументалиста М. О. Микешина. 6 ноября 1910 г. состоялось торжественное открытие величественного памятника. Однако по Батумскому договору от 4 июня 1918 г. Карс официально отошел к Турции. В том же 1918 г. памятник был взорван. Дореволюционная открытка дает нам представление о том, каким был девятиметровый монумент – памятник воинам павшим, при штурме крепости Карс.

Крепость Карс.

Из грамоты императора Александра II от 14 ноября 1877 г.:

Генералу-адъютанту, генералу от кавалерии, командующему действующим корпусом на Кавказско-Турецкой границе Михаилу Лорис-Меликову. В награду мужества и примерной распорядительности вашей, увенчавшихся новым подвигом наших войск при взятии штурмом турецкой крепости Карс, 14 ноября, всемилостивейше пожаловали мы вас кавалером императорского ордена Нашего Святого равноапостольского князя Владимира первой степени с мечами.

Бомбой народовольца Гриневицкого убит Александр II.

С окончанием русско-турецкой войны завершилась и славная боевая карьера генерала Лорис-Меликова, сделавшая его знаменитым военачальником и административным деятелем. За заслуги в апреле 1878 г. возведен в графское Российской империи достоинство. В начале 1879 г. был назначен временным астраханским, саратовским и самарским генерал-губернатором, а в апреле, после покушения А. К. Соловьева на императора Александра II, – временным харьковским генерал-губернатором.

Вел решительную борьбу с террористами, при этом пытался привлечь на свою сторону оппозиционную часть общества. После взрыва в Зимнем дворце, произведенного С. Н. Халтуриным, 12 февраля 1880 г. Лорис-Меликов был назначен главой Верховной распорядительной комиссии и фактически получил неограниченные полномочия. 20 февраля 1880 г. И. О. Млодецкий совершил неудачное покушение на Лорис-Меликова. 6 августа 1880 г. Верховная распорядительная комиссия по инициативе Лорис-Меликова была упразднена, и он назначен министром внутренних дел и шефом жандармов. Представил Александру II доклад, в котором ставил вопрос о проведении ряда экономических реформ. 28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил императору доклад, в котором предлагал учредить временные подготовительные комиссии. В состав комиссий должны были войти правительственные чиновники и выборные представители от земств и органов городского самоуправления. Проект получил название «Конституция Лорис-Меликова».

Утром 1 марта 1881 г. Александр II принял Лорис-Меликова, подписал представленный им доклад и назначил на 4 марта заседание Совета министров для обсуждения представленного проекта, однако спустя несколько часов император был убит народовольцами. После убийства Александра II и издания Александром III Манифеста (от 29.04.1881) «о незыблемости самодержавия» Лорис-Меликов 30 апреля 1881 г. вышел в отставку (вместе с ним ушли в отставку министры А. А. Абаза и Д. А. Милютин).

Последние годы жизни, оставаясь членом Государственного совета, жил главным образом за границей (в Висбадене и Ницце), где сблизился с Н. А. Белоголовым, А. И. Кошелевым и некоторыми другими видными либералами, изредка наезжал в Петербург для участия в наиболее важных заседаниях Государственного совета. Лорис-Меликову принадлежит ряд статей, в т. ч. «Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата» (1881).

РЫБАКОВ С. П., к. и. н., доцент МГИМО(У).

Скобелев Михаил Дмитриевич

17 сентября 1843–25 июня 1882

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – выдающийся русский военачальник и стратег, человек огромного личного мужества, генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участник среднеазиатских завоеваний Российской империи и русско-турецкой войны 1877–1878 годов, освободитель Болгарии. В историю вошел с прозванием «Белый генерал» (тур. Ак-Паша), что всегда ассоциируется в первую очередь именно с ним, и не только потому, что в сражениях он участвовал в белом

мундире и на белом коне.

Сражения и победы

«Убедите солдат на деле, что вы о них вне боя отечески заботливы, что в бою – сила, и для вас ничего не будет невозможного», – говорил Скобелев. И с этим убеждением побеждал в Средней Азии и на Балканах. Покоритель Хивы и освободитель Болгарии, он вошел в историю под именем «Белого генерала».

«Почему его называли белым генералом»?

По разным причинам. Самая простая – мундир и белая лошадь. Но ведь не он один носил белую генеральскую военную форму. Значит, что-то еще. Вероятно, стремление быть на стороне добра, не обнищать душой, не смириться с необходимостью убийства.

«Удивительная жизнь, удивительная быстрота ее событий: Коканд, Хива, Алай, Шипка, Ловча, Плевна 18 июля, Плевна 30 августа, Зеленые горы, переход Балкан, сказочный по своей быстроте поход на Адрианополь, Геок-Тепе и неожиданная, загадочная смерть – следуют одно за другим, без передышки, без отдыха». (В. И. Немирович-Данченко «Скобелев».)

Ранняя биография и военное образование

Потомственный военный, он родился в Петербурге 17 сентября 1843 г. в семье генерал-лейтенанта Дмитрия Ивановича Скобелева и его жены Ольги Николаевны, урожденной Полтавцевой. Унаследовав от матери «тонкость натуры», на всю жизнь сохранил с ней душевную близость. По его мнению, только в семье человек имеет возможность быть самим собой.

«Слишком изящный для настоящего военного», он тем не менее с юности выбрал этот путь и уже 22 ноября 1861 г. поступил на военную службу в кавалергардский полк. После сдачи экзамена был 8 сентября 1862 г. произведен в портупей-юнкера, а 31 марта 1863 г. – в корнеты. 30 августа 1864 г. Скобелев был произведен в поручики.

> ***Я дошел до убеждения, что все на свете ложь, ложь и ложь… Все это – и слава, и весь этот блеск ложь… Разве в этом истинное счастье?.. Человечеству разве это надо?.. А ведь чего, чего стоит эта ложь, эта слава? Сколько убитых, раненых, страдальцев, разоренных!.. Объясните мне: будем ли мы с вами отвечать Богу за массу людей, которых мы погубили в бою?***
>
> *– эти слова Скобелева В. И. Немировичу-Данченко многое открывают в характере генерала.*

Осенью 1866 г. поступил в Николаевскую академию генерального штаба. По окончании курса академии в 1868 г. стал 13-м из 26 офицеров, причисленных к генеральному штабу.

Хивинский поход

Весной 1873 г. Скобелев принимает участие в хивинском походе в качестве офицера Генерального штаба при Мангишлакском отряде полковника Ломакина. Цель похода – во-первых, укрепить русские границы, подвергавшиеся точечным нападениям местных феодалов, снабженных английским оружием, а во-вторых – защитить тех из них, которые перешли под российское покровительство. Вышли 16 апреля, Скобелев, как и другие офицеры, шел пешком. Суровость и требовательность в условиях военного похода, причем в первую очередь к себе, отличали этого человека. Потом, в мирной жизни, могли быть слабости и сомнения, во время военных действий – максимальная собранность, ответственность и отвага.

Так, 5 мая возле колодца Итыбая Скобелев с отрядом из 10 всадников встретил караван перешедших на сторону Хивы казахов и, несмотря на численный перевес противника, бросился в бой, в котором получил 7 ран пиками и шашками и до 20 мая не мог сидеть на коне. Возвратившись в строй, 22 мая с 3 ротами и 2 орудиями он прикрывал колесный обоз, причем отбил целый ряд атак неприятеля. 24 мая, когда русские войска стояли у Чинакчика (8 верст от Хивы), хивинцы атаковали верблюжий обоз. Скобелев быстро сориентировался и двинулся с двумя сотнями скрыто, садами, в тыл хивинцам, опрокинул их подошедшую конницу, атаковал затем хивинскую пехоту, обратил ее в бегство и возвратил отбитых неприятелем 400 верблюдов. 29 мая Михаил Скобелев с двумя ротами штурмовал Шахабатские ворота, первым пробрался во внутрь крепости, и хотя был атакован неприятелем, но удержал за собой ворота и вал. Хива покорилась.

Скобелев – генерал от инфантерии.

Военный губернатор

В 1875–1876 годах Михаил Дмитриевич возглавлял экспедицию против мятежа феодалов Кокандского ханства, направленную против кочевников-грабителей, разорявших российские пограничные земли. После этого в чине генерал-майора был назначен губернатором и командующим войсками Ферганской области, образованной на территории упраздненного Кокандского ханства. Как военный губернатор Ферганы и начальник всех войск, действовавших в бывшем Кокандском ханстве, принимал участие и руководил баталиями при Кара-Чукуле, Махраме, Минч-Тюбе, Андижане, Тюра-Кургане, Намангане, Таш-Бала, Балыкчи и др. Он же организовал и без особенных потерь совершил изумительную экспедицию, известную под именем «Алайская». Став главой Ферганской области, Скобелев нашел общий язык с покоренными племенами. Сарты хорошо отнеслись к приходу русских, но все же оружие у них было отобрано. Воинственные кипчаки, раз покоренные, держали слово и не восставали. Михаил Дмитриевич обращался с ними «твердо, но с сердцем».

Так впервые проявился его суровый дар военачальника:

…Война есть война, – заявил он в ходе обсуждения операции, – и на ней не может не быть потерь… и эти потери могут быть крупными.

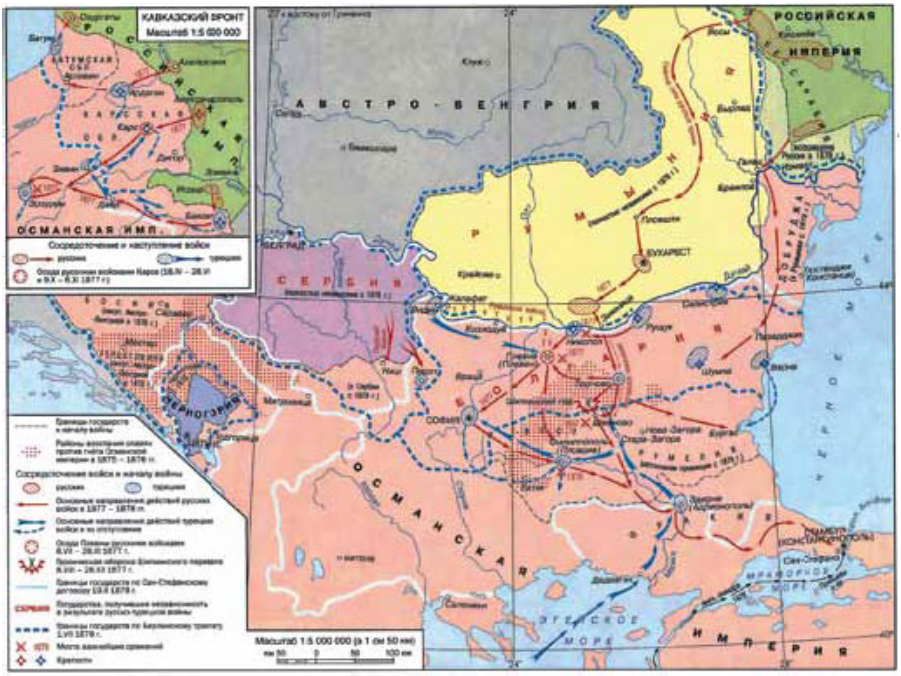
Русско-турецкая война 1877–1878 гг

Пик карьеры полководца М. Д. Скобелева пришелся на русско-турецкую войну 1877–1878 гг., целью которой было освобождение православных народов от притеснений Османской империи. 15 июня 1877 г. русские войска переправились через Дунай и развернули наступление. Болгары восторженно встречали русскую армию и вливались в нее.

На поле брани Скобелев явился генерал-майором, уже с Георгиевским крестом, и, несмотря на недоверчивые замечания многих его соратников, быстро снискал себе славу талантливого и бесстрашного командира. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он фактически командовал (будучи начальником штаба Сводной казачьей дивизии) Кавказской казачьей бригадой во время 2-го штурма Плевны в июле 1877 г. и отдельным отрядом при овладении Ловчей в августе 1877 г.

Во время 3-го штурма Плевны (август 1877 г.) он успешно руководил действиями левофлангового отряда, который прорвался к Плевне, но не получил своевременной поддержки от командования. Командуя 16-й пехотной дивизией, Михаил Дмитриевич участвовал в блокаде Плевны и зимнем переходе через Балканы (через Имитлийский перевал), сыграв решающую роль в сражении под Шейново.

На последнем этапе войны при преследовании отступавших турецких войск Скобелев, командуя авангардом русских войск, занял Адрианополь и в феврале 1878 г. Сан-Стефано в окрестностях Константинополя. Успешные действия Скобелева создали ему большую популярность в России и Болгарии, где его именем были названы улицы, площади и парки во многих городах.



Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Благоразумные люди ставили в упрек Скобелеву его безоглядную храбрость; они говорили, что «он ведет себя как мальчишка», что «он рвется вперед, как прапорщик», что, наконец, рискуя без нужды, подвергает солдат опасности остаться без высшего командования и т. д. Однако не было командира более внимательного к нуждам своих солдат и более бережного к их жизням, чем «Белый генерал». Во время подготовки к предстоящему переходу через Балканы Скобелев, заранее предполагавший такое развитие событий, а поэтому не терявший времени даром, развил кипучую деятельность. Он как начальник колонны понимал: независимо от условий перехода необходимо сделать все, чтобы уберечь отряд от неоправданных потерь в пути, сохранить его боеспособность.

Личный пример начальника, его требования к подготовке стали мерилом для офицеров и солдат отряда. По всей округе Скобелев разослал команды для закупки сапог, полушубков, фуфаек, продовольствия и фуража. В селах приобретались вьючные седла и вьюки. На пути следования отряда, в Топлеше, Скобелев создал базу с восьмидневным запасом продовольствия и большим количеством вьючных лошадей. И все это Скобелев осуществлял силами своего отряда, не уповая на помощь интендантства и товарищества, занимавшихся снабжением армии.

Время напряженных боев со всей очевидностью показало, что русская армия по качеству вооружения уступает турецкой, и поэтому Скобелев снабдил один батальон Углицкого полка ружьями, отвоеванными у турок. Еще одно новшество внедрил Скобелев. Как только не чертыхались солдаты, всякий раз надевая на спину тяжеловесные ранцы! Ни присесть с такой ношей, ни прилечь, да и в бою она сковывала движения. Скобелев где-то добыл холст и приказал пошить мешки. И легко солдату стало, и удобно! На холщовые мешки уже после войны перешла вся русская армия. Над Скобелевым посмеивались: дескать, боевой генерал превратился в агента интендантства, и смешки еще более усилились, когда стало известно о приказе Скобелева каждому солдату иметь по полену сухих дров.

Скобелев же продолжал готовить отряд. Как показали дальнейшие события, дрова очень пригодились. На привале солдаты быстро разжигали костры и отдыхали в тепле. За время перехода в отряде не было ни одного обмороженного. В других отрядах, особенно в левой колонне, по обморожению из строя выбыло большое количество солдат.

Все вышеперечисленное делало генерала Скобелева кумиром в среде солдат и предметом зависти среди высших военных чинов, бесконечно ставящих ему в вину слишком «легкие» награды, неоправданную, с их точки зрения, храбрость, незаслуженную славу. Однако те, кто видел его в деле, не могли не отметить совершенно иные качества. «Нельзя не отметить того искусства, с которым вел бой Скобелев. В эту минуту, когда он достиг решительного успеха, в его руках оставались еще нетронутыми 9 свежих батальонов, один вид которых принудил турок капитулировать».

М. Д. Скобелев под Плевной, 20 августа 1877 г.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Генерал М. Д. Скобелев на коне. 1883 г. Иркутский областной художественный музей им. П. В. Сукачева.

Ахал-текинская экспедиция

После окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Белый генерал» командовал корпусом, но вскоре снова был направлен в Среднюю Азию, где в 1880–1881 гг. руководил так называемой Ахал-Текинской военной экспедицией, во время которой тщательно и всесторонне организовал походы подчиненных войск и успешно провел штурм крепости Ден-гиль-Тепе (близ Геок-Тепе). Вслед за этим войсками Скобелева был занят Ашхабад.

Горячий сторонник освобождения славянских народов, Скобелев был неутомим, дойдя почти до Константинополя, и очень переживал невозможность довести дело до конца. В. И. Немирович-Данченко, сопровождавший генерала, писал: «Как это ни странно, могу засвидетельствовать, что я видел, как Скобелев разрыдался, говоря о Константинополе, о том, что мы бесплодно теряем время и результаты целой войны, не занимая его…

Скобелев М. Д.:

Я прямо предложил Великому князю: самовольно со своим отрядом занять Константинополь, а на другой день пусть меня предадут суду и расстреляют, лишь бы не отдавали его… Я хотел это сделать, не предупреждая, но почем знать, какие виды и предположения есть…

Действительно, когда даже турки вокруг Константинополя возвели массы новых укреплений, Скобелев несколько раз делал примерные атаки и маневры, занимал эти укрепления, показывая полную возможность овладеть ими без больших потерь. Раз таким образом он ворвался и занял ключ неприятельских позиций, с которых смотрели на него аскеры, ничего не предпринимавшие».

Он не раз выражал предчувствия близкой кончины своим друзьям:

Каждый день моей жизни – отсрочка, данная мне судьбой. Я знаю, что мне не позволят жить. Не мне докончить все, что я задумал. Ведь вы знаете, что я не боюсь смерти. Ну так я вам скажу: судьба или люди скоро подстерегут меня. Меня кто-то назвал роковым человеком, а роковые люди и кончают всегда роковым образом… Бог пощадил в бою… А люди… Что же, может быть, в этом искупление. Почем знать, может

быть, мы ошибаемся во всем и за наши ошибки расплачивались другие?..

Но Россия оказалась не готовой к той блестящей победе, которую обеспечили ей мужество солдат и доблесть таких полководцев, как Скобелев. Едва нарождающийся капитализм был не готов сразиться с Англией и Францией, которым Россия проиграла Крымскую войну около 20 лет назад. Если жертвами безрассудства на войне становятся солдаты, то жертвами безрассудных политиков – целые народы и государства. «Всеславянское единство», на которое надеялся генерал, не родилось ни в Первую, ни во Вторую мировые войны.

Тем не менее уже тогда, в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века, Скобелев сумел разглядеть будущий русско-германский фронт Первой мировой войны и оценить основные формы вооруженной борьбы в будущем.

Получив месячный отпуск 22 июня (4 июля) 1882 года, М. Д. Скобелев выехал из Минска, где стоял штаб 4-го корпуса, в Москву, а уже 25 июня 1882 генерала не стало. Это была совершенно неожиданная для окружающих смерть. Неожиданная для других, но никак не для него…

Скобелев под Шипкой. Художник В. Верещагин.

Эта цитата раскрывает нам характер непростой, неоднозначный, даже неожиданный для военного человека.

Убедите солдат на деле, что вы о них вне боя отечески заботливы, что в бою – сила, и для вас ничего не будет невозможного

– говорил Скобелев.

Михаил Дмитриевич Скобелев прежде всего был русским. И как почти каждый русский человек носил в себе внутренний разлад, который замечается в людях думающих. Вне сражений его мучили сомнения. У него не было спокойствия, «с каким полководцы других стран и народов посылают на смерть десятки тысяч людей, не испытывая при этом ни малейших укоров совести, полководцы, для которых убитые и раненые представляются только более или менее неприятной подробностью блестящей реляции». Впрочем, слезливой сентиментальности тоже не было. Перед боем Скобелев бывал спокоен, решителен и энергичен, он сам шел на смерть и не щадил других, но после боя, по словам современников, «для него наступали тяжелые дни, тяжелые ночи. Совесть его не успокаивалась на сознании необходимости жертв. Напротив, она говорила громко и грозно. В триумфаторе просыпался мученик. Восторг победы не мог убить в его чуткой душе тяжелых сомнений. В бессонные ночи, в минуты одиночества полководец отходил назад и выступал на первый план человек с массой нерешенных вопросов, с раскаянием… Недавний победитель мучился и казнился как преступник от всей этой массы им самим пролитой крови».

Такова была цена его воинского успеха. И «Белый генерал» М. Д. Скобелев платил ее честно и самоотверженно, так же честно и самоотверженно, как воевал за благо своего Отечества.

СУРЖИК Д. В., научный сотрдуник Института всеобщей итории РАН.

Макаров Степан Осипович

27 декабря 1848–31 марта 1904

Адмирал Макаров родился в г. Николаеве Херсонской губернии, освященном именами великих флотоводцев – Ушакова и Лазарева, колыбели знаменитых кораблей русского флота, в семье моряка. Оба его деда были солдатами, а отец только за полгода до рождения сына получил чин прапорщика.

На детство Макарова пришлась Крымская война. В начале кампании военное счастье сопутствовало России: в Синопском сражении 8 наших кораблей под командованием адмирала

Нахимова уничтожили 154 корабля турецких и 4 береговые батареи. Но в следующем 1854 г. объединенной эскадрой английских, французских и турецких кораблей был осажден Севастополь. Черноморского флота больше не существовало – его затопили, чтобы враг не вошел в Севастополь с моря. Юношей Макаров зачитывался «Севастопольскими рассказами» Толстого, оказавшими большое влияние на формирование его патриотических убеждений, умение понимать душу русского человека, солдата, матроса.

Сражения и победы

Выдающийся русский военно-морской деятель, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, вицеадмирал.

Адмирал Макаров, уже будучи военным губернатором города Кронштадта и главным командиром Кронштадтского порта, повесил в своем кабинете лозунг «Помни войну!». Потом эти слова, ставшие эпиграфом к его книге «Рассуждения», будут высечены на пьедестале памятника адмиралу на Якорной площади в Кронштадте, открытого в 1913 г. Утверждают, что этот девиз был начертан у Макарова даже на его запонках.

В 1858 г. семья переехала в г. Николаевск-на-Амуре в связи с переводом отца Макарова в Сибирскую флотилию. В том же году Макаров поступил в Николаевское морское училище, которое готовило кондукторов корпуса штурманов (чин, примерно соответствующий современному званию мичмана). В 1865 г. он окончил училище первым по успеваемости, однако лишь в 1869 г. будущий флотоводец был произведен в мичманы, получив свой первый офицерский чин.

Примечательно, что до этого он успел послужить на 11 кораблях и принять участие в нескольких дальних морских походах. В 1861 г. на винтовом клипере «Стрелок» и винтовом транспорте «Манчжур» ходил из Николаевска в залив Де-Кастри и порт Дуэ. С июля 1863 г. по май 1864 г. в составе эскадры Тихого океана под флагом вице-адмирала А. А. Попова ходил к берегам Северной Америки, и в октябре 1864 г. возвратился из плавания в Морское училище в Николаевск-на-Амуре. С ноября 1866 г. по май 1867 г. на корвете «Аскольд» в составе эскадры контр-адмирала Ф. С. Керна прошел по маршруту Нагасаки – мыс

Доброй Надежды – Кронштадт. 14 июля 1867 г. за выдающиеся успехи в науках произведен «не в пример прочим» вместо кондукторов корпуса штурманов в гардемарины, а в июле того же года назначен в 1-й флотский экипаж Балтийского моря.

С 16 сентября 1867 г. по 28 июня 1868 г. Макаров ходил на корвете «Дмитрий Донской», и в октябре 1868 г. публикует в «Морском сборнике» свою первую научную работу – «Инструмент Адкинса для определения девиации в море». С 17 сентября 1868 г. по 25 мая 1869 г. находился в заграничном плавании на корвете «Дмитрий Донской». С 24 июня по 8 сентября 1869 г. ходил на броненосной лодке «Русалка» в составе броненосной эскадры Балтийского флота.

Первое офицерское плавание Макарова на броненосной лодке было неудачным. «Русалка» напоролась на подводный камень, и только благодаря счастливому стечению обстоятельств ее удалось посадить на мель. В марте – июне 1870 г. Макаров опубликовал в «Морском сборнике» статью «Броненосная лодка «Русалка». За частным случаем молодой мичман увидел проблему всего флота – неподготовленность кораблей и экипажей к действиям при повреждении корпуса. Макаров засел за книги, провел сложные расчеты. Результатом стал труд, посвященный борьбе за непотопляемость корабля. «Тот, кто видел потопление судов своими глазами, хорошо знает, что гибель корабля не есть простая гибель имущества; ее нельзя сравнить ни с пожаром большого города, ни с какою другою материальною потерею. Корабль есть живое существо, и, видя его гибель, вы неизбежно чувствуете, как уходит в вечность этот одушевленный исполин, послушный воле своего командира. Корабль безропотно переносит все удары неприятеля, он честно исполняет свой долг и с честью гибнет, но не к чести моряков и строителей служат эти потопления, за которые они ответственны перед своей совестью. Корабль может и должен быть обеспечен от потопления».

Монета в честь 300-летия Российского флота с барельефом ледокола «Ермак» и адмирала С. О. Макарова.

Теория непотопляемости корабля стала одной из важнейших его разработок. Степан Осипович настаивал на выделении непотопляемости в отдельную научную дисциплину. К январю – марту 1870 г. относится едва ли не самое известное его открытие – изобретение пластыря (шинкованного мата) для заделки пробоин судов. В морском обиходе появился новый термин «пластырь Макарова». 22-летний мичман разработал не только новые способы заделки пробоин пластырем, который во всем мире носит его имя, но и создал оригинальную водоотливную систему и герметические крышки на палубные люки, заложив тем самым основы непотопляемости корабля (Lieutenant Makaroff's Patent safety mats for instantly stopping leaks in ships bottoms). Способами заделки пробоин заинтересовались за рубежом, и Макарова командировали для демонстрации его изобретения на Всемирную выставку в Вену (17–21 декабря 1873 г.).

Прижизненное фото С. О. Макарова (1848–1904).

Вопросами непотопляемости Макаров занимался более 30 лет, с первого офицерского плавания на броненосной лодке «Русалка», которое едва не закончилось трагически. Когда же через 23 года «Русалка», выйдя из Ревеля, попала в шторм и затонула, Степан Осипович тяжело переживал гибель корабля, ради жизни которого начал свой многолетний подвижнический труд борьбы за непотопляемость.

Макаров стал героем русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в ночь на 14 января 1878 г. атаковал торпедами турецкий сторожевой пароход «Интибах» на батумском рейде и потопил его, впервые в мире успешно применив торпедное оружие. Как и большинство русских людей, С. О. Макаров воспринимал эту войну как благородное дело освобождения славян на Балканах. «Быть военным моряком и оставаться в стороне от большой справедливой войны – не самая яркая строка в офицерском послужном списке», – говорил он.

Через 20 лет после горького крымского поражения, когда вновь началась война между Турцией и Россией. Еще до начала новой турецкой кампании в октябре 1876 г. Степан Осипович добился назначения на Черноморский флот, и 13 декабря вступил в командование вооруженным пароходом «Великий князь Константин», ставшим базой минных катеров.

В апреле 1877 г. «Константин» вышел на поиск противника. Его оружием были паровые катера, на носу которых на шесте крепились мины. Подойти под огнем к турецким кораблям, взорвать их и умудриться остаться невредимым и вернуться назад

– для этого требовалось не только громадное мужество, но и отточенное флотское мастерство. Все это команда «Константина» продемонстрировала в полной мере. Взорваны два броненосца, потоплено около десятка грузовых судов. В ночь на 1 мая 1877 г. Макаров произвел атаку четырьмя минными катерами сторожевого турецкого судна на Батумском рейде. В ночь на 29 мая совершил нападение минными катерами парохода «Константин» на турецкие корабли на Сулинском рейде. 12 августа у Сухума совершил нападение минными катерами парохода «Константин» на турецкие корабли, повредив броненосец «Шевкет». В ночь на 16 декабря совершил нападение на турецкие броненосцы у Батума; во время атаки Макаров впервые в мире применил торпеды, потопив турецкий сторожевик «Интибах». Это лейтенанту Макарову принадлежала дерзкая идея погрузить минные катера на быстроходные торговые пароходы и атаковать турок прямо в бухтах. Успешные минные и первые в мире торпедные атаки, осуществленные Макаровым, парализовали турецкий флот. Войну Макаров закончил капитаном 2 ранга, кавалером нескольких боевых орденов, в том числе Святого Георгия 4-й степени, и золотого оружия «За храбрость».

> ***Если мы спросим Европу о разрешении захватить Константинополь, то она не согласится, но если мы захватим Босфор со всем флотом и через две недели будем иметь 100 тысяч войска для поддержания наших справедливых требований, то Европа, мирящаяся с силой и фактами, не захочет еще более усложнять Восточного вопроса.***
>
> *С. О. Макаров.*

После победоносного окончания этой последней в истории империи русско-турецкой войны Макаров озабочен позициями России на Черноморском побережье, проблемой овладения ею всем бассейном. Он постоянно высказывается в пользу «сильного броненосного флота», состоящего из кораблей с возможно толстой броней, мощной артиллерией и минными катерами на борту, способных бороться с турецкими и иностранными, в первую очередь английскими, броненосцами.

Предложения Макарова с некоторыми изменениями были приняты. Его карьера развивается успешно: он пожалован военно-придворным званием флигель-адъютанта свиты Его величества, причислен к Гвардейскому экипажу, назначен командиром отряда миноносок, ему прочат командование царской яхтой «Ливадия».

Но герой турецкой войны М. Д. Скобелев предлагает ему возглавить морское обеспечение Ахал-Текинской военной экспедиции, и Макаров бросает светский Петербург, уезжает на Каспий, становится заведующим морской частью при войсках, действовавших в Закаспийском крае (с 1 мая 1879 г. по 21 мая 1881 г.).

Под его командой более сотни малотоннажных судов и широкий круг задач – от организации снабжения водным путем из Астрахани в Красноводск до создания портов и баз на берегах Каспийского моря. С новыми обязанностями Макаров справился блестяще. О его большом вкладе в успех военной экспедиции свидетельствует то, что после совместного участия в Ахал-Текинском походе два героя русско-турецкой войны – возглавлявший экспедицию генерал Михаил Дмитриевич Скобелев и Степан Осипович Макаров – обменялись на прощание Георгиевскими крестами (своеобразный вариант братания у георгиевских кавалеров). Макаров никогда не расставался с этой наградой; именно принадлежавший Скобелеву крест ордена Св. Георгия 4-й ст. украшал грудь Макарова в момент его гибели в 1904 г.

В октябре 1881 г. Макаров оказался в Константинополе, куда был назначен командиром российского корабля-стационера «Тамань». Назначение было с дипломатическим подтекстом – в последней войне Макаров нанес военно-морским силам Турции существенный урон. Служебные обязанности для командира стационера были необременительными и больше сводились к дипломатическому представительству. Не привыкший сидеть без дела Степан Осипович занялся изучением течений в проливе Босфор. Результат исследований стал научной сенсацией – в проливе на различных уровнях два противоположных течения: верхнее из Черного моря, а нижнее из Мраморного. В случае новой войны его открытие позволяло провести быстрое и эффективное минирование Босфора. Признанием же чисто научной заслуги моряка стало присуждение ему Академией наук престижной премии митрополита Макария.

Кроме парохода «Тамань» (1881–1882 гг.), Макаров командовал фрегатом «Князь Пожарский» (1885 г.), а затем – корветом «Витязь» (1886–1889 гг.), на котором совершил кругосветное плавание. С. О. Макаров внес значительный вклад в развитие отечественной океанографии, в том числе и аппаратных исследований Мирового океана, им был сконструирован один из первых надежных батометров (прибор для взятия проб воды с различных глубин).

17 сентября 1885 г. Макаров назначен командиром корвета

«Витязь». Командуя им, с 24 мая 1886 г. по 25 июня 1889 г. находился в кругосветном плавании. «Витязь» почти три года бороздил океанские просторы, и все это время Макаров вместе с экипажем проводил в Тихом океане обширные и многочисленные научные исследования, опубликовав затем двухтомный труд «Витязь» и Тихий океан», получивший высокую оценку в научных кругах и вошедший в золотой фонд мировой морской науки. Когда в 1889 г. Макаров вернулся из кругосветного плавания на корвете «Витязь», его заслуги уже нашли признание со стороны российских ученых. Академия наук отметила его Макариевской премией (1887 г.) за исследования вод Средиземного моря и Тихого океана, а Русское географическое общество наградило золотой медалью. Будущий флотоводец утверждал, что исследовательская деятельность полезна и даже обязательна для моряков военных кораблей – она не только расширяет кругозор, но и учит действовать в боевой обстановке.

> ***Природа на каждом шагу ставит вам препятствия, и тот, кто много плавал, привыкает верить, что нет работы без препятствия и что всякое препятствие надо тотчас же устранять. В бою тоже на каждом шагу будут препятствия. Если человек привык их устранять, то он и в бою их устранит.***
>
> *С. О. Макаров.*

> ***Морякам больше, чем кому-либо, необходимо усвоить мысль: погибнуть с честью! Будьте убеждены, что без этой твердой решимости ничего великого не делается. Только тот и побеждает, кто не боится погибнуть!***
>
> *С. О. Макаров*

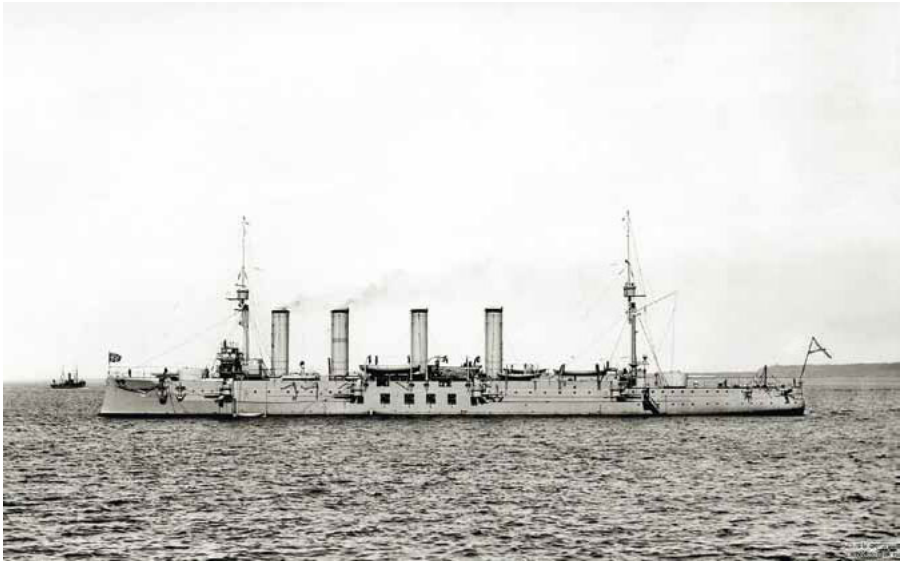
Постоянная деятельность – не просто обязательный, а единственно возможный образ жизни для Макарова. «От работы, даже направленной по ложному пути, даже от такой, которую пришлось бросить, остается опыт. От безделья, хотя бы вызванного самыми справедливыми сомнениями в целесообразности дела, ничего не остается». И как итог, как главный завет адмирала: «Проводи каждый день так, как если бы это была вся твоя жизнь».

Даже в короткий сухопутный отпуск Степан Осипович вспоминает море. Его привлекала красота и стройность парусных кораблей. Как все настоящие моряки, он любил корабли самой

сильной и самой пылкой любовью. Она видна в каждом поступке, каждом дне жизни Макарова. «Будущим морякам предстоит плавать не с теми кораблями и не с теми средствами, но можно пожелать, чтобы в них была та же любовь к изучению природы, чтобы они были создателями рукотворного мира освоенных человеком океанских просторов, которые сделали людей еще богаче, еще счастливее», – говорил он. Океанская стихия была подлинной страстью Макарова. «В море – значит дома», «В море я у себя дома, а на берегу в гостях», – это его слова. «Даже в тихой деревенской жизни… я мечтаю по временам о море; тогда забываются все неудобства и представляется одна светлая сторона: туго натянутые паруса, педантическая чистота, ловкая, веселая команда, великолепные шлюпки с парусами, вымытые лучше дамских манишек, и звонкая команда вахтенного лейтенанта».

Море, с точки зрения влюбленного в него Макарова, оказывает даже очищающее, благотворное моральное воздействие на душу человека. «Море имеет свою хорошую сторону. Человек становится добрее, он забывает свои сомнения и опасения, он делается простодушнее, прямее и откровеннее!»

Вскоре после возвращения из кругосветного плавания контр-адмирал Макаров был назначен исполняющим должность главного инспектора морской артиллерии (1891–1894 гг.). За три года, несмотря на неповоротливость флотской бюрократии, ему удалось сделать для совершенствования корабельной артиллерии очень много. Главным итогом его труда стало изобретение весной 1892 г. нового приспособления – бронебойного наконечника к снарядам, т. н. макаровского колпачка, который, однако, был внедрен в практику русского флота лишь после его смерти. «Колпачки Макарова», которые значительно повышали эффективность снарядов по пробиванию брони, были взяты на вооружение во всех флотах мира.



Броненосный крейсер «Адмирал Макаров» в составе отряда кораблей Балтийского флота в Гибралтаре. Начало февраля 1909 г.

Они представляли собой наконечник из мягкой нелегированной стали, которая сплющивалась при ударе, одновременно заставляя твердый верхний слой брони трескаться. Вслед за этим твердая основная часть бронебойного снаряда легко пробивала нижние слои брони – значительно менее твердые. «Колпачки» (по нынешней терминологии бронебойные наконечники), как правило, повышали бронепробиваемость снаряда при прочих равных условиях на 10–16 %, но при этом несколько ухудшалась кучность. Шестидюймовые снаряды с такими наконечниками пробивали 254-мм броню (в упор). Внедрение этих снарядов могло значительно повлиять на течение русско-японской войны: достаточно сказать, что в чемульпинском бою «Варяг» теоретически смог бы пробить броню «Асамы» – своего основного противника. Однако внедрение новшества было связано с решением сложной технологической задачи – крепления колпачка на снаряде.

Макаров внес множество предложений по совершенствованию флота, буквально заваливая военно-морское министерство и руководство флотом своими рапортами, однако лишь немногие из них получили развитие. Более того, некоторые реализовались частично, что принесло скорее вред, чем пользу. В частности, он настоял на значительнейшем снижении веса корабельных снарядов. Идея была красива – снаряды существенно легче, а значит дешевле в производстве и занимают меньше места в

трюме, значительно меньше изнашивают ствол при схожей баллистике. Кроме того, при меньшей массе они имели соответственно большую начальную скорость, что повышало бронепробиваемость на малых и средних дистанциях, особенно при использовании бронеколпачков. Но более тихоходные, чем японские, русские корабли не имели возможности в русско-японскую войну вести бой на выгодных для облегченных снарядов дистанциях.

Победой можно назвать лишь уничтожение неприятеля, а потому подбитые суда надо добивать, топя их или заставляя сдаться. Подбить корабль – значит сделать одну сотую часть дела. Настоящие трофеи – это взятые или уничтоженные корабли.

С. О. Макаров.

Сам изобретатель рассматривал свою новинку лишь в качестве вспомогательного средства. Макаров исповедовал принцип полного уничтожения врага – на суше и на море.

Младший флагман Практической эскадры Балтийского моря (1894 г.), в ноябре 1894 г. Макаров принял командование эскадрой в Средиземном море (1894–1895 гг.), которую при угрозе войны с Японией (1895 г.) перевел на Дальний Восток, и стал командующим Тихоокеанской эскадрой. Здесь он понял, что новые технические возможности кораблей явно не соответствуют сложившейся практике их боевого применения. Итогом раздумий адмирала стал капитальный труд «Рассуждения по вопросам морской тактики», долгие годы остававшийся единственным обобщающим трудом такого рода в России. Книгу сразу же перевели на многие иностранные языки. А лучшим подтверждением, что идеи Макарова со временем не стареют, стало переиздание книги в 1943 г.

В 1895 г. Макаров разработал русскую семафорную азбуку. В 1893 г. вторично награжден Макариевской премией.

Макаров немало успел за свою недолгую жизнь, порой опередив время на десятки лет. Бессмертным подвигом Макарова-ученого, Макарова-флотоводца навсегда останется начало покорения Севера, основание отечественного ледоколостроения. Он один из инициаторов идеи использования ледоколов для освоения Северного морского пути, руководитель комиссии по составлению технического задания для строительства ледокола «Ермак» (1897–1898 гг.).

Если сравнить Россию со зданием, то нельзя не

признать, что она своим главным фасадом выходит на Ледовитый океан… Мощный ледокол откроет дверь в этом главном фасаде, он снимет ледяные ставни с окна, которое Петр I прорубил в Европу… Природа заковала наши моря льдами, но в настоящее время ледяной покров не представляет более непреодолимого препятствия к судоходству. Я знаю, как достичь Северного полюса: надо построить ледокол такой силы, чтобы он мог ломать полярные льды. Ни одна нация не заинтересована в ледоколах столько, сколько Россия.

Северный Ледовитый океан давно привлекал внимание исследователя. «Единственное побуждение, которое толкает меня на Север, есть любовь к науке и желание раскрыть те тайны, которые природа скрывает от нас за тяжелыми ледяными преградами». В конце XIX в., когда началась эпоха великих полярных исследований, одну из самых дерзких идей высказал Макаров. 30 марта 1897 г. он прочел в Географическом обществе лекцию «К Северному полюсу – напролом».

Впервые Макаров высказал идею ледокола в 1892 г. Пять лет готовил его научное обоснование. В 1897 г. подал первую записку морскому министру Тыртову, а затем великое множество писем и новых записок. Макаров говорил: «Чтобы оценить какие-нибудь предложения по заслугам, надо побороть в себе чувство нерасположения ко всему новому и мало испытанному, нужно идти навстречу требованию. Нет опасности принимать новое, если установлено правило без жалости испытывать его самым строгим образом».

При чтении резолюций возникает вопрос, где черпал Степан Осипович силы, чтобы провернуть это гигантское застоявшееся колесо рутинного мышления. Сам адмирал был убежден, что «уметь желать – это почти достигнуть желаемого». Однако иногда мало «уметь желать», если на пути желаний, какими возвышенными они бы ни были, стоит столь мощное препятствие, как российская бюрократическая машина.

У нас есть корабль, который дает возможность сделать то, что не под силу ни одной нации и к чему нас нравственно обязывают старые традиции, географическое положение и величие самой России.

С. О. Макаров.

Наверное, так и писал бы Макаров свои бесконечные записки,

если бы не обратился к Д. И. Менделееву, который был известен бескорыстным служением Отечеству. Понадобился весь авторитет ученого и эксперта правительства по экономическим преобразованиям страны, чтобы убедить министра финансов Витте найти средства для постройки ледокола.

Спуск на воду первого русского ледокола «Ермак» был произведен 17 октября 1898 г. на реке Тайн в Ньюкасле в Англии, а 21 февраля – 4 марта 1899 г. Макаров вышел на «Ермаке» в море, совершив на нем первое плавание из Ньюкасла в Кронштадт.

С 27 марта по 30 августа 1901 г. состоялась первая в мире антарктическая экспедиция русского ледокола, на котором С. О. Макаров отправился к Новой Земле и Земле Франца-Иосифа.

Восторг, с которым встречали «Ермака» в России, был необычаен. С любовью и гордостью смотрели люди на корабль, который шел так, как будто никакого льда не было. Макаров стал народным героем, а ледокол в шутку называли «Ермак Степаныч». Всем казалось, что «Ермаку» не страшны никакие льды, хотя бы и Северного полюса. Макаров пытался унять этот газетный шквал восторгов, доказывал, что пути в Арктику неизвестны, льды не изучены, но его и слушать не стали. Когда же во время пробных плаваний «Ермак» не смог пробиться в тяжелых сплошных арктических льдах, овации смолкли, адмирала окатили презрением, забыв, что это были первые, самые первые шаги в неизвестность.

На ледоколе «Ермак».

Гибель броненосца «Петропавловск».

А ведь сам Макаров отнюдь не обольщался первоначальными успехами своего детища, – как и вообще мнимой легкостью и доступностью Арктики. «Все полярные экспедиции в смысле достижения цели были неудачны, но если мы что-нибудь знаем о Ледовитом океане, то благодаря этим неудачным экспедициям».

В 1901 г. Макарова навсегда отстранили от ледокола, чтобы положить конец его настойчивым попыткам пробиться в Арктику. «Надо было удивляться той силе воли и несокрушимой настойчивости, благодаря которым Макаров был способен составить текст, таблицы и чертежи сочинения в 507 печатных страниц при таких угнетающих условиях, где у обыкновенного человека пропадает всякая дееспособность и опускаются руки», – писал биограф адмирала полярный исследователь Ф. Ф. Врангель

про труд С. О. Макарова «Ермак» во льдах».

6 декабря 1899 г. Макаров был назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором города Кронштадта (6 декабря 1899 г. – 9 февраля 1904 г.). Обилие обязанностей не смогло отвлечь его от научных изысканий. Благодаря его поддержке на флоте началось внедрение изобретенного А. С. Поповым радио.

Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор города, ставшего столицей Российского флота, – должность высокая и почетная. К ней полагались дворец, экипаж и яхта. Но адмирал всегда являл высокий пример честности и бескорыстия. Из его изречений: «Определение морскими призовыми правилами денежного вознаграждения военных чинов за совершаемые военные подвиги не подходят к духу русского воинства. Призовое право занесено нам с запада, но корень его не соответствует почве. Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну как на исполнение своего священного долга и не хочет денежных наград за свою службу».

> ***Я считаю, что от призовых денег командиры не будут ни хитрее, ни искуснее, ни предприимчивее. Тот, на кого в военное время могут влиять деньги, не достоин чести носить морской мундир.***
>
> *С. О. Макаров.*

При этом адмирал не был ни аскетом, ни трудоголиком. Разумное, трезвое, взвешенное отношение к своему делу и своевременный отдых – его кредо. «Военный человек в любой обстановке должен уметь и поесть, и поспать. Это тоже искусство, которое нужно в себе воспитать. Какой толк, что иной от усердия три ночи не смыкает глаз; ну, он тогда никуда и не годится. Тот хорош, кто при самом спешном деле сумеет выспаться». В другом месте читаем: «Тайна делать все и делать хорошо – есть тайна порядка распределять свое время. Порядок – это здоровье».

Макаров прекрасно понимал, какое значение для команды имеют хорошее питание и налаженный быт. Чего стоит его приказ от 1 мая 1901 г. «О приготовлении щей»: «Изданные постановления не мешают хорошему коку придать щам тот вкус, какой он желает, но они не допускают неумелого человека испортить хорошую провизию и дают удобства контроля над провизией и способом приготовления». Забота о простом матросе, как и для плеяды суворовских и кутузовских генералов, для адмирала Макарова остается одной из первоочередных задач: «Сбережение здоровья нижних чинов – есть важнейший долг не

одних командиров, но и всех офицеров, и каждый в кругу своих обязанностей должен принимать все меры к тому, чтобы сохранить здоровье подчиненных ему людей».

Памятник С. О. Макарову «Помни войну!». Установлен в 1913 г. на центральной площади Кронштадта.

Но, конечно, для исправного военного корабля «хороших щей» недостаточно. «Мне кажется, что степень занятия и развития команды не зависит (а если зависит, то очень мало) от самой команды. Командир и офицеры могут так ее поставить, что будет заглядение; главное – нужно завести особенный дух и чувство собственного достоинства между всеми матросами. Нужно, чтобы они гордились именем своего судна, а не употребляли его в смысле карцера. Этого можно достигнуть беспрестанной заботливостью об удобстве команды не только капитаном, но и всеми офицерами. Эта заботливость не должна распространяться только на хорошее качество провизии и амуниции. Но, главное, не удобство жизни. Нет ничего вреднее, как приказания ни к чему не ведущие; это такой вред, какой только может быть. Команда, не видя пользы и необходимости их, лениво исполняет приказания, приучается к неповиновению, неуважению офицеров, все это – прямые шаги к упадку дисциплины».

> ***Мое правило: если вы встретите слабейшее судно – нападайте; если равное себе – нападайте; и если сильнее себя – тоже нападайте.***
>
> *С. О. Макаров*

Ф. Ф. Врангель рассказывал: «Когда я был у него в гостях и спросил, доволен ли он, Степан Осипович с грустью мне ответил, что считал бы своим местом Порт-Артур. «Меня пошлют туда, когда дела наши станут там совсем плохи». Адмирал даже повесил в своем кабинете лозунг «Помни войну!» – тот самый, что потом украсит постамент самого лучшего ему памятника в Кронштадте».

> ***Если командиру внушить, что один удачный выстрел его орудия, разрушивший боевую рубку неприятельского броненосца, может решить участь боя, эта мысль наполнит все его существование, он даже ночью, даже во сне будет думать о том, как возьмет на прицел неприятеля. А в этом вся суть дела.***
>
> *С. О. Макаров.*

Почему он призывал помнить войну? Кронштадтский губернатор вовсю засыпает руководство докладными о необходимости срочно укреплять Порт-Артур и готовить к войне Тихоокеанский флот. За четыре дня до начала русско-японской

Макаров составил записку с предупреждением о неизбежности начала японцами войны в ближайшие дни, равно как и о недостатках русской противоторпедной обороны, которые позже и были использованы японцами при атаке на рейд Порт-Артура 26 января 1904 г. «Война есть экзамен, назначение которого от нас не зависит. Приготовление к войне есть приготовление к экзамену, и если этого приготовления мы никогда практиковать не будем, то не нужно удивляться, если экзамен выдержан плохо».

Начавшаяся русско-японская война подтвердила полную правоту адмирала. Тогда его и направили в Порт-Артур спасать положение. Но было уже поздно.

Война с Японией всколыхнула всю Россию. Неудачи российского флота на Тихом океане вызвали всеобщее мнение, что руководить воюющим флотом должен боевой флотоводец. И единственным человеком, который реально мог изменить положение в войне на море, был Макаров.

Пророчество адмирала сбылось. После начала русско-японской войны (1904–1905 гг.) он был 1 (14) февраля 1904 г. назначен командующим Тихоокеанской эскадрой, которая начала активные и успешные боевые действия. 24 февраля (8 марта) новый командующий прибыл в Порт-Артур. 27 февраля он переносит свой флаг на эскадренный броненосец «Петропавловск».

В первые же дни по приезде в Порт-Артур Макаров стал выходить с эскадрой в море на поиски противника, приучая всех к мысли, что рано или поздно надо переходить в наступление. 4 марта он выходит на миноносце «Боевой» на внешний рейд Порт-Артура; 13 марта порт-артурская эскадра в составе 22 кораблей выходит в море под флагом вице-адмирала С. О. Макарова; 14 марта вновь эскадра выходит в море для маневрирования; 29 марта – новый выход эскадры в море под флагом командующего.

«Чтобы сделаться хорошими моряками, надо подолгу оставаться в море и этим приобрести привычку быть между небом и водой и считать море своим домом». «В плавании не следует пропускать ни одного случая попрактиковаться в упражнениях, полезных в боевом отношении», – говаривал Макаров в мирное время. Тем более актуальными были его требования в боевой обстановке.

Главную роль в бою адмирал Макаров отводил людям, превыше всего ставя человеческий фактор: «Успех возможен, если каждый задастся целью действовать не только по приказанию начальства, но из сознания, что как бы ни была скромна его роль, добросовестное ее выполнение может в иных случаях иметь

решающее значение».

«Уметь желать – это почти достигнуть желаемого, – считал Макаров. – Каждый командир, каждый специальный офицер, каждый заведующий должен ревниво выискивать свои недочеты и все силы отдавать на их пополнение. Пусть не боятся ошибок и увлечений. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. От работы, даже направленной по ложному пути, от такой даже, которую пришлось бросить, остается опыт. От безделья, хотя бы оно было вызвано самыми справедливыми сомнениями в целесообразности дела, ничего не остается… Размышлять некогда. Выворачивайте смело весь свой запас знаний, опытности, предприимчивости, старайтесь сделать все, что можете. Невозможное останется невозможным, но все возможное должно быть сделано. Главное, чтобы все… прониклись сознанием всей огромности возложенной на нас задачи, сознали всю тяжесть ответственности, которую самый маленький чин несет перед своей родиной!»

Однажды не вернулся из разведки миноносец «Стерегущий». Он был подбит в неравном бою, и японцы пытались взять корабль на буксир. Макаров тотчас же перенес свой флаг на легкий крейсер «Новик» и в сопровождении крейсера «Боян» устремился к месту боя на выручку. И хотя спасти «Стерегущий» не удалось (двое оставшихся в живых матросов открыли кингстоны и затопили корабль); вернувшийся в гавань «Новик» встретило громовое ура – салют личному бесстрашию командующего. Отныне сердце эскадры навсегда принадлежало Макарову – с ним возродилась вера в победу. Наступать и только наступать – вот стратегия нового командующего: «Не гонитесь за неприятелем, который далеко, если перед вами близко находится другой. Забудьте всякую мысль о помощи своим судам: лучшая помощь своим – есть нападение на чужих».

Инициатива в морской войне явно перешла к Макарову. Но 31 марта 1904 г. в 7 часов флагман порт-артурской эскадры броненосец «Петропавловск», где находился С. О. Макаров, а затем и другие броненосцы вышли на внешний рейд Порт-Артура. В 9 часов 39 минут утра «Петропавловск» подорвался на минах и затонул. Из 730 человек, находившихся на борту, удалось спасти только 80. Среди спасенных был Великий князь Кирилл Владимирович, но не оказалось ни друга Макарова знаменитого баталиста В. В. Верещагина, ни самого адмирала. Потеря была невосполнима и остро отразилась на ходе войны на море.

Особенно скорбели моряки и жители Порт-Артура. Многие плакали. «Что броненосец? – говорил пожилой боцман. Хоть бы два, да еще пара крейсеров в придачу. Не то! Голова пропала –

вот что!»

В 2005 г. китайскими водолазами, обследовавшими погибшие корабли в гавани Порт-Артура, были найдены останки 6 тел, на одном из которых были частично сохраненные адмиральские знаки различия. Останки были переданы китайским властям, которые захоронили их в братской могиле, но, так как экспертиза по идентификации останков не проводилась, имя адмирала остается неизвестным.

«Всякий военный человек должен проникнуться сознанием постоянной готовности пожертвовать жизнью, – говорил Макаров. – В первый раз, пожалуй, побледнеет и почувствует, что кровь стынет в его жилах, но во второй раз эта мысль не произведет уже того впечатления, и, наконец, он свыкнется с этой мыслью до такой степени, что она представится ему не только знакомой, но и даже притягательной».

«Желающий побеждать должен решить, что он или победит, или погибнет, и только при этих условиях его можно признать достойным победы». Всей своею жизнью, до конца отданной Отечеству, Макаров получил право сказать эти слова…

Памятники С. О. Макарову установлены в Кронштадте, Николаеве, Владивостоке, Смоленске, одном из сел Чукотского автономного округа; его имя было присвоено г. Макаров в Сахалинской области; подводной котловине Макарова (бассейн Макарова) в Северном Ледовитом океане; Высшему мореходному арктическому училищу в Ленинграде, Государственному университету морского и речного флота в С.-Петербурге; Национальному университету кораблестроения в Николаеве (Украина); Тихоокеанскому военно-морскому институту во Владивостоке, улицам различных городов в России и на Украине.

Флотоводец и ученый, оставивший заметный след в судостроении, артиллерии, морской тактике и океанологии, С. О. Макаров вызывает у историков едва ли не наибольший интерес среди выдающихся адмиралов российского флота. Первые очерки биографии адмирала появились вскоре после его гибели, а в 1911–1913 гг. увидела свет хорошо документированная работа Ф. Ф. Врангеля, послужившая основанием для позднейших монографий и научно-популярных изданий.

Труды С. О. Макарова были столь разносторонними, он касался столь многих вопросов стратегии, тактики и повседневной деятельности флота, что нескольким поколениям исследователей пока так и не удалось целиком изучить его огромное наследие.

Но С. О. Макаров был не только блестящим, выдающимся ученым-теоретиком – он всю свою жизнь был бесстрашным,

доблестным и умелым воином, защитником интересов России, глубокое уважение к которому испытывали даже враги.

В 1904 г. японский поэт Исикава Такубоку написал такие строки:

Утихни, ураган! Прибой, не грохочи,
Кидаясь в бешенстве на берег дикий.
Вы, демоны, ревущие в ночи,
Хотя на миг прервите ваши крики.
Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Не наносите яростных ударов,
Замрите со склоненной головой
При звуках имени его: Макаров.
Его я славлю в час вражды слепой
Сквозь грозный рев потопа и пожаров.
В морской пучине, там, где вал кипит,
Защитник Порт-Артура ныне спит.

Исикава Такубоку. Памяти адмирала Макарова.

КУРКОВ К. Н., д. и. н., профессор МГТУ им. М. А. Шолохова.

Армия и войны в правление Николая I

После наполеоновских войн русская армия была самой многочисленной и сильнейшей в Европе. Солдаты, офицеры и генералы умели побеждать противника в любых условиях. Однако наступило мирное время, и власти стали нужны не инициативные и самостоятельные воины, а послушные «солдатики». Череда войн закончилась, наступило время парадов и маневров.

Особенно ярко этот новый подход к строительству вооруженных сил проявился в правление императора Николая I (1825–1855 гг.). Его вступление на престол было ознаменовано восстанием декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., когда бунтующим офицерам, требовавшим отменить крепостное право и ввести в стране конституцию, удалось взбунтовать солдат нескольких гвардейских полков. Покончив с бунтовщиками, император решил ввести в стране порядок, основанный на строгом контроле и подчинении, и армия должна была играть главную роль в государственном механизме. Более того, она сама стала важной частью машины российской государственности.

В 1831 г. был издан «Рекрутский устав», ставший основой комплектования русской армии. Все податные сословия Российской империи (каждое отдельно) делились в губерниях и уездах на тысячные участки, на которые определялось число рекрутов. Сроки для обычных наборов устанавливались с 1 ноября по 31 декабря. На службу принимали людей в возрасте от 20 до 35 лет, а общий срок службы составлял 25 лет. Отдельно в уставе оговаривались болезни, препятствующие приему, и категории лиц, неподлежащих рекрутской повинности. К таким принадлежали жители Архангельской губернии, а также городов и селений в стоверстной полосе на границах с Австрией и Пруссией. Были сословия, как например, купцы всех трех гильдий, которые освобождались от повинности «натурой» и выплачивали вместо рекрута 1000 рублей. До 1849 года принятому рекруту сразу выбривали лоб, а не «удостоенному» принятия – затылок. Вот как выглядел сложный процесс превращения крестьянина или городского жителя в новобранца.

Вначале рекрута раздевали догола и военная приемная комиссия осматривала его на предмет отсутствия болезней и физических недостатков, препятствующих несению военной службы. Удовлетворяющему всем условиям рекруту председатель

комиссии говорил: «Лоб!» Это слово затем повторял унтер-офицер, передающий новобранца нижним чинам, которые вели того в комнату для выбривания лба и бороды. В той же комнате чиновники записывали имя и приметы «счастливца». С этой минуты ответственность за рекрута переходила от отдатчика к приемщику, под командой которого состояла стража для надзора за новобранцами.

В городах вплоть до отправки партии рекруты состояли при батальонах Внутренней стражи. Там они принимали присягу и делились на артели по 10 человек. Чтобы предотвратить побеги внутри артели, действовала круговая порука. Первое время, пока не набиралось нужного количества новобранцев, рекрута учили строевым приемам без оружия и объясняли азы военно-уголовного законодательства. Также каждый принятый на службу получал комплект обмундирования, считавшийся собственностью рекрута и не отбиравшийся при прибытии в часть. С 1827 г. в него входили: серая шинель с серым воротником и погонами, черный галстук, темно-зеленые брюки, как у солдат, но без выпушки, фуражная шапка с темно-зеленым околышем, ранец из серого крестьянского сукна, две белые рубахи, полушубок и темно-зеленые рукавицы. Шитье обмундирования на три утвержденных размера проводилось при батальонах Внутренней стражи, после чего вещи рассылались в губернские и уездные города.

Когда количество рекрутов на сборном пункте достигало установленной величины, до 300 человек для малого сбора и до 500 – для большого, из них формировали «партию» для отправки к месту службы. Командовал «партией» офицер, а на 12 рекрутов выделялось по одному конвоиру. Три солдата отдельно охраняли состоящий при офицере сундук с деньгами и бумагами. На ночлегах и дневках рекрутов кормили местные жители, которым платил офицер. Офицеру также было дано право наказывать провинившихся. Максимальным наказанием было 100 ударов розгами. Совершивших серьезные преступления сдавали властям губернских городов.

Таким образом, основой комплектования русской армии к середине XIX века по-прежнему оставалась рекрутская повинность. Однако не следует думать, что в вооруженных силах Российской империи все оставалось неизменным.

В 1816 г. и 1831 г. были изданы новые «строевые уставы» русской армии, которые учитывали опыт наполеоновских войн и вводили новые принципы обучения солдат. Так, в каждом полку появились особые солдаты – застрельщики (позднее их стали называть стрелками), которые должны были действовать в рассыпном строю перед фронтом батальона или полка.

Боевой порядок рассыпного строя состоял из цепи с резервами. При атаке стрелки должны были частым огнем прикрывать движение основных сил, а перед непосредственным соприкосновением с противником они отступали за линию фронта.

Застрельщиков специально обучали искусству стрельбы, что было делом долгим и нелегким. Очень важно было заметить расстояние, на котором пуля попадала в место прицеливания (дистанция прямого выстрела). Стрелка учили верно оценивать расстояние до предмета: на учениях он называл количество шагов до выбранной цели, а потом сам отсчитывал шаги. Подобное упражнение начиналось с 50 шагов и продолжалось до 500. Мишень для стрельбы выставляли на разных расстояниях, на возвышенностях и в глубинах. Научив поражать цель с места, офицер заставлял застрельщиков стрелять, останавливаясь после тихого, среднего и быстрого шага. Потом мишень подвешивали так, чтобы она все время находилась в движении. Такая подготовка привела к тому, что к 1831 г. в каждом батальоне пехотного полка появились специальные стрелковые роты.

Вместе с организацией армии изменялись форма и вооружение. В 1827 г. Николай I ввел ставшие сейчас уже привычные звезды на офицерских эполетах, в 1843 г. нижние чины получили в качестве знаков различия на погонах продольные полосы различной ширины (лычки). С 1854 г. офицеры стали носить на шинели золотые погоны, сохранившиеся в армии до 1917 года. 9 (21) мая 1844 г. вместо традиционного кивера войскам была присвоена каска из черной лакированной кожи с двумя кожаными козырьками спереди и сзади. К верху каски крепилась трубка в виде пылающей гренады, которая прикрывала отверстия для проветривания каски.

При Николае I солдат стали вооружать ружьями нового образца. С 1844 г. в армии появилось капсюльное ружье, в отличие от старого кремневого способное стрелять при любой погоде. Вместо традиционного замка с полкой и кремнем на новом образце присутствовал ударный капсюльный замок. Под курком крепился специальный похожий на крышку от тюбика капсюль, в котором находилась зажигательная смесь. Однако ружье заряжалось по-старому: с дула.

Вот примерно в таком виде русская армия столкнулась на полях сражений в царствование Николая I, как с традиционным противником – турками, так с новыми европейскими армиями – французской и английской.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг

В царствование императора Николая I одним из основных направлений российской дипломатии был восточный вопрос – взаимоотношения с Османской империей и решение международных проблем, связанных со все большим ее ослаблением. В рамках этого направления большое значение играли проблемы, связанные с черноморскими проливами Босфором и Дарданеллами и расширением влияния Российской империи среди славянских народов Балканского полуострова. Россия стремилась добиться свободного прохода торговых и, возможно, боевых кораблей через проливы, так как это были единственные ворота для экспорта причерноморского хлеба, в котором нуждались европейские страны. Кроме того, со времен Екатерины Великой Россия считалась основной покровительницей православных славянских народов, угнетаемых властями Османской империей.

В 1821 г. в Греции вспыхнуло восстание против турецкого ига. В течение нескольких лет повстанцы с переменным успехом сражались с войсками турецкого султана. Наконец, в 1827 г. Национальное собрание греков приняло греческую конституцию и заявило о независимости страны от турецкого султана. Собравшиеся в Лондоне представители Британии, Франции и России обратились к Стамбулу с нотой о признании нового государства. Однако султан отказался и приказал объединенному турецко-тунисско-египетскому флоту высадить десант на греческом побережье. Прибывшие к месту высадке мусульмане устроили жестокую резню греческого населения. В ответ европейские страны ввели в Средиземное море объединенную англо-русско-французскую эскадру, которая 20 октября (1 ноября) 1827 г. в Наваринской бухте разгромила султанский флот. В бою отличился флагман русских морских сил линейный корабль «Азов» под командой капитана 1 ранга М. П. Лазарева. Во время жестокой артиллерийской дуэли «Азов» потопил флагманский турецкий корабль и нанес множество повреждений другим судам. Под командой лейтенанта П. С. Нахимова и мичмана В. А. Корнилова матросы-азовцы успевали тушить пожары и вести прицельный огонь по врагу.

За этот бой «Азову» был присвоен кормовой Георгиевский флаг. Впервые в истории русского флота корабль стал гвардейским. Его командир был произведен в контр-адмиралы. Лейтенант Нахимов, получивший после сражения чин капитан-лейтенанта, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Однако английские и французские дипломаты были обеспокоены тем, что эта победа сможет укрепить положение России в районе черноморских проливов. Они дали понять турецкому владыке, что их страны останутся нейтральными в случае возможного русско-турецкого конфликта. Получив эти сведения, султан Махмуд II объявил себя защитником ислама и начал укреплять береговую линию черноморских крепостей. Видя столь активные приготовления, российский император объявил Турции войну.

На театрах военных действий Россия располагала 95-тысячной Дунайской армией под командованием генерала графа П. Х. Витгенштейна и 25-тысячным Отдельным кавказским корпусом под командованием генерала И. Ф. Паскевича. Против этих сил Османская империя выставила армию общей численностью до 200 тыс. чел. (150 тыс. на Дунае и 50 тыс. на Кавказе). Перед Дунайской армией была поставлена задача занять Молдавию, Валахию и Добруджу, а также овладеть крепостями Шумлой и Варной.

7 мая 1828 г. Дунайская армия Витгенштейна перешла реку Прут и начала боевые действия. Под его руководством были взяты крепости Исакч, Мачин и Браилов. Одновременно была проведена морская экспедиция к кавказскому побережью в районе Анапы. Но вскоре продвижение Витгенштейна на дунайском театре резко замедлилось. Русские войска не смогли взять крепости Варну и Шумлу и приступили к долгой осаде. Вскоре выяснилось, что осада Варны по слабости у ней наших сил не обещала успеха; в войсках, стоявших под Шумлой, свирепствовали болезни. Лошади массой падали от бескормицы; между тем дерзость турецких партизан все увеличивалась.

В это время неприятель, сосредоточив более 25 тысяч у Виддина и Калафата, усилил гарнизоны крепостей Рахов и Никополь. Таким образом, турки везде имели перевес в силах, но, к счастью, не воспользовались этим. Между тем в половине августа к Нижнему Дунаю начал подходить гвардейский корпус, а за ним следовал 2-й пехотный. Последнему было приказано сменить у Силистрии осадный отряд, который затем притянут под Шумлу; гвардия же направлена к Варне. Для выручки этой крепости прибыл от реки Камчик 30-тыс. турецкий корпус Омера-Врионе. Последовало несколько безрезультатных атак с той и другой стороны, а когда 29 сентября Варна сдалась, то Омер стал поспешно отступать, преследуемый отрядом принца Евгения Вюртембергского, и направился к Айдосу, куда еще ранее отошли войска визиря.

Между тем граф Витгенштейн продолжал стоять под Шумлой;

войск у него за выделением подкреплений к Варне и в другие отряды оставалось всего около 15 тыс.; но в 20-х числах сентября к нему подошел 6-й корпус. Силистрия продолжала держаться, так как 2-й корпус, не имея осадной артиллерии, не мог приступать к решительным действиям.

9 февраля 1829 г. на имя Витгенштейна был дан Высочайший рескрипт, в котором царь благодарил фельдмаршала за 40-летнюю службу и принимал его отставку.

В новой кампании Дунайскую армию возглавил генерал от инфантерии И. И. Дибич. Его назначение коренным образом изменило обстановку на театре военных действий. 19 июня 1829 г. сдалась крепость Силистрия, а Дибич стал готовить армию к походу на Балканы, который начался 2 июля 1829 г. Причем на долю графа Дибича выпала участь бороться не только с турками, но и с не менее опасным противником – чумой, сильно ослабившей его армию.

Известный прусский фельдмаршал Мольтке отметил: «Оставляя в стороне материальное ослабление вооруженных сил, должно признать в главнокомандующем необыкновенную силу воли, чтобы среди борьбы с такими ужасающими и распространенными бедствиями не терять из вида великую цель, которая могла быть достигнута, придерживаясь неизменно решительного и быстрого образа действий. По нашему (т. е. Мольтке) мнению, история может произнести в пользу действий графа Дибича в турецкую кампанию нижеследующий приговор: располагая слабыми силами, он предпринимал только то, что представлялось безусловно необходимым для достижения цели войны. Он приступил к осаде крепости и одержал в открытом поле победу, которая открыла ему доступ в сердце неприятельской монархии. Он очутился здесь с одним призраком армии, но ему предшествовала слава непобедимости. Россия обязана счастливым исходом войны смелому и вместе с тем осторожному образу действий графа Дибича».

В шесть переходов, попутно одержав важную победу при Сливне, русская армия прошла 120 верст и уже 7 августа оказалась под стенами Адрианополя, не видевшего русских дружин со времен киевского князя Святослава. На следующий день Адрианополь сдался.

В этом же году неувядаемой славой покрыл свои знамена Черноморский флот. 14 (26) мая 1829 г., возвращаясь из разведывательного плавания, 18-пушечный бриг «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А. И. Казарского был внезапно атакован двумя турецкими линейными кораблями. Один из линкоров был вооружен 100 пушками, другой – 74.

Казарский собрал офицеров «Меркурия» на совет, единодушно принявший единственное решение – драться. В течение трех часов, умело маневрируя, «Меркурий» вел артиллерийский бой с турецкими кораблями. В дыму и пламени Казарский поставил свой бриг между турецкими кораблями. Будучи более легким по конструкции, русский кораблик на полно ходу прошел между турками, которые, ни чего не видя из-за дыма, стали стрелять друг в друга, думая, что ведут огонь по «Меркурию».

Героический подвиг брига «Меркурий» был высоко оценен. Ему было присвоено Георгиевское знамя. Позже в Севастополе был воздвигнут памятник. На гранитном постаменте стоит небольшой бронзовый корабль с надписью «Казарскому. Потомству в пример».

2 (14) сентября 1829 г. в Адрианополе между Россией и Турцией был подписан мирный договор. Российская империя включала в свой состав восточное побережье Черного моря с городами Анапа и Сухум, а также дельту реки Дунай. Княжествам Молдавии и Валахии предоставлялась автономия, и на время проведения реформ в них оставались русские войска. Османская империя согласилась также с условиями Лондонского договора 1827 года о предоставлении автономии Греции. Кроме того, она обязывалась в течение 18 месяцев уплатить России контрибуцию в размере 1,5 млн голландских червонцев.

Крымская война 1853–1856 гг

Война 1828–1829 гг. имела далеко идущие последствия. Воспользовавшись поражением Османской империи. В 1830 году Франция оккупировала Алжир. Через год поднял восстание самый могущественный вассал Турции, Мухаммед Али Египетский.

Османские войска были разбиты в ряде сражений. Опасаясь захвата Стамбула египтянами, султан Махмуд II принимает предложение России о военной помощи. 10-тысячный корпус русских войск, высаженный на берега Босфора в 1833 году, позволил предотвратить захват Стамбула, а с ним, вероятно, и распад Османской империи.

Заключенный по итогам этой экспедиции Ункяр-Искелесийский договор, благоприятный для России, предусматривал военный союз между двумя странами, в случае если одна из них подвергалась нападению. Секретная дополнительная статья договора разрешала Турции не посылать войска, но требовала закрытия Босфора для кораблей любых стран, кроме России.

Известие об этом договоре вызвало резкое недовольство в английских и французских кругах. Они резко протестовали против решения вопроса о проливах в пользу России. 13 июля 1841 года, после истечения срока действия Ункяр-Искелесийского договора, под давлением европейских держав была подписана Лондонская конвенция о проливах, лишившая Россию права блокировать вход военных кораблей третьих стран в Черное море в случае войны. Это открыло дорогу флотам Великобритании и Франции в Черное море в случае русско-турецкого конфликта и явилось важной предпосылкой Крымской войны.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XIX века начал назревать новый конфликт на Ближнем Востоке, поводом к которому явился спор католического и православного духовенства о палестинских святынях.

Речь шла о том, какой из церквей принадлежит право владеть ключами от Вифлеемского храма и других христианских святынь Палестины – в то время провинции Османской империи. В 1850 г. православный патриарх Иерусалимский Кирилл обратился к турецким властям за разрешением на починку главного купола храма Святого Гроба Господня. Одновременно с этим католическая миссия подняла вопрос о правах католического духовенства, выдвинув требование восстановить католическую серебряную звезду, снятую со Святых Яслей, и передать им ключ от главных ворот Вифлеемской церкви. Поначалу европейская

общественность не уделяла большого внимания этому спору, который продолжался в течение 1850–1852 гг.

Инициатором обострения конфликта выступила Франция, где в ходе революции 1848–1849 гг. к власти пришел Луи Наполеон – племянник Наполеона Бонапарта, провозгласивший себя в 1852 г. императором французов под именем Наполеон III. Он решил использовать этот конфликт для укрепления своего положения внутри страны, заручившись поддержкой влиятельного французского духовенства. Кроме того, в своей внешней политике он стремился восстановить былое могущество наполеоновской Франции начала XIX в. Новый французский император стремился к небольшой победоносной войне с целью укрепления своего международного престижа. С этого времени русско-французские отношения начали портиться, а Николай I отказался признать Наполеона III законным монархом.

Николай I, со своей стороны, рассчитывал использовать этот конфликт для решительного наступления на Османскую империю, ошибочно полагая, что ни Англия, ни Франция не предпримут решительных действий в ее защиту. Однако Англия увидела в распространении российского влияния на Ближнем Востоке угрозу Британской Индии и вступила в антирусский союз с Францией.

В феврале 1853 г. в Константинополь со специальной миссией прибыл А. С. Меншиков – правнук знаменитого сподвижника Петра I. Целью его визита было добиться от турецкого султана восстановления всех прежних прав и привилегий православной общины. Однако его миссия закончилась провалом, что привело к полному разрыву дипломатических отношений между Россией и Османской империей. Усиливая нажим на Османскую империю, в июне русская армия под командованием М. Д. Горчакова оккупировала Дунайские княжества. В октябре турецкий султан объявил России войну.

18 (30) ноября 1853 г. в Синопской бухте на южном побережье Черного моря произошло последнее крупное сражение в истории парусного флота. Турецкая эскадра Осман-паши вышла из Константинополя для десантной операции в районе Сухум-кале и сделала остановку в Синопской бухте. Русский Черноморский флот имел задачу воспрепятствовать активным действиям противника. Эскадра под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова в составе трех линкоров во время крейсерского дежурства обнаружила турецкую эскадру и заблокировала ее в бухте. Была затребована помощь из Севастополя. Замысел командира эскадры, державшего флаг на

«Императрице Марии», состоял в том, чтобы как можно быстрее ввести свои корабли на Синопский рейд и с коротких дистанций всеми силами артиллерии обрушиться на противника. В приказе Нахимова говорилось: «Все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг».

К моменту битвы в составе русской эскадры было 6 линкоров и 2 фрегата, а в составе турецкой – 7 фрегатов, 3 корвета, 2 пароходофрегата, 2 брига, 2 транспорта. Русские имели 720 орудий, а турки – 510.

Артиллерийский бой начали турецкие корабли. Русские корабли сумели прорваться сквозь заградительный огонь противника, встали на якорь и открыли сокрушительный ответный огонь. Особенно эффективными оказались впервые примененные русскими 76 бомбических пушек, стрелявших не ядрами, а разрывными снарядами. В результате боя, продолжавшегося 4 часа, весь турецкий флот и все батареи из 26 орудий были уничтожены. Турецкий пароход «Таиф» под командованием А. Слейда, английского советника Осман-паши, спасся бегством. Турки потеряли убитыми и утонувшими свыше 3 тыс. чел., около 200 чел. попали в плен. Часть пленных, в основном раненых, свезли на берег, что вызвало благодарность турок. В результате сражения турки потеряли 10 боевых кораблей, 1 пароход, 2 транспорта; были потоплены также 2 торговых судна и шхуна.

В русском плену оказался и сам главнокомандующий – Осман-паша. Его, брошенного своими матросами, спасли с горящего флагмана русские моряки. Когда Нахимов спросил у Осман-паши, есть ли у него просьбы, тот ответил: «Чтобы спасти меня, ваши матросы рисковали жизнью. Прошу их достойно наградить». Кроме вице-адмирала, в плен попали и три командира кораблей. Русские потеряли 37 чел. убитыми и 235 ранеными. Победой в Синопской бухте русский флот получил полное господство в Черном море и сорвал планы высадки десанта турок на Кавказе. За эту победу Нахимова удостоили звания вице-адмирала и ордена Святого Георгия 2-й степени. В именном рескрипте на имя Нахимова Николай I написал следующие слова: «Истреблением турецкой эскадры вы украсили летопись русского флота новою победою, которая навсегда останется памятной в морской истории».

Однако разгром турецкого флота явился поводом к вступлению в конфликт Англии и Франции, которые ввели свои

эскадры в Черное море и высадили десант вблизи болгарского города Варна. В марте 1854 г. в Стамбуле был подписан наступательный военный договор Англии, Франции и Турции против России (в январе 1855 г. к коалиции присоединилось и Сардинское королевство). В апреле 1854 г. союзная эскадра бомбардировала Одессу, а в сентябре 1854 г. союзные войска всадились близ Евпатории. 8 (20) сентября 1854 г. русская армия под командованием А. С. Меншикова потерпела поражение у реки Альма. Казалось, что путь на Севастополь открыт. В связи с возросшей угрозой захвата Севастополя русское командование приняло решение затопить большую часть Черноморского флота у входа в большую бухту города, чтобы воспрепятствовать входу туда вражеских кораблей.

Этот приказ отдал командующий русской армией в Крыму князь А. С. Меншиков. Вице-адмирал Корнилов предложил свое решение: выйти в море и дать решительное сражение неприятелю, чтобы если уж и не совсем разбить его, то по крайней мере обессилить настолько, чтобы он не мог начать осаду города. Меншиков, вполуха выслушав моряка, повторил свой приказ о затоплении кораблей. Адмирал отказался. Меншиков вспылил: «Раз так, поезжайте в Николаев к месту своего служения!» Видя, что князь непоколебим, Корнилов вскричал: «То, к чему вы меня принуждаете, – самоубийство! Но чтобы я оставил Севастополь, окруженный неприятелями, – невозможно! Я готов повиноваться!» На следующий день Корнилов отдал приказ затопить корабли. Свое выступление на совете командиров кораблей Черноморского флота Корнилов закончил словами: «Москва горела, но Русь от этого не погибла, напротив – стала сильнее! Бог милостив! Помолимся ему и не допустим врага покорить себя».

В сентябре 1854 г. Корнилов был назначен начальником обороны города, которая продолжалась 349 дней с 13 сентября 1854 года до 28 августа (8 сентября) 1855 года. П. С. Нахимов, руководивший обороной Южной стороны, добровольно подчинился адмиралу. И именно благодаря Корнилову, его энергии, опыту и знаниям, в городе была создана глубокоэшелонированная оборонительная линия, состоящая из семи бастионов, вооруженной 610 орудиями, с гарнизоном, распределенным по дистанциям и готовым встретить неприятеля во всеоружии, поскольку солдаты и матросы Севастополя, также как и адмирал, считали: «Отступать нам некуда, позади нас море, впереди – неприятель». Корнилов отдал короткий, но эмоциональный приказ, дошедший до сердца каждого севастопольца: «Братцы, царь рассчитывает на нас. Мы защищаем

Севастополь. О сдаче не может быть и речи. Отступления не будет. Кто прикажет отступать, того колите. Я прикажу отступать – заколите меня».

13 (25) октября произошло сражение под Балаклавой, в результате которого войска союзников в составе 20 тысяч солдат сорвали попытку русских войск, насчитывавших 23 тысячи солдат, деблокировать Севастополь. В ходе битвы русским солдатам удалось захватить некоторые позиции союзников, оборонявшиеся турецкими войсками, которые пришлось оставить, утешаясь захваченными у турок трофеями (знамя и одиннадцать чугунных орудий). Эта битва стала знаменитой благодаря двум эпизодам, которые со временем превратились в нарицательные выражения.

«Тонкая красная линия» – в критический для союзников момент боя, пытаясь остановить прорыв русской кавалерии в Балаклаву, командир 93-го шотландского полка Колин Кемпбелл растянул своих стрелков в шеренгу не по четыре, как тогда было принято, а по два. Атака была успешно отбита, после чего в оборот в английский язык вошло словосочетание «тонкая красная линия», обозначающее оборону из последних сил.

«Атака легкой бригады» – выполнение бригадой английской легкой кавалерии неправильно понятого приказа, приведшее к самоубийственной атаке хорошо укрепленных русских позиций. Словосочетание «атака легкой кавалерии» стало в английском языке синонимом отчаянной безнадежной атаки. Эта легкая кавалерия, полегшая под Балаклавой, числила в своем составе представителей самых аристократических фамилий. День Балаклавы навсегда остался траурной датой в военной истории Англии.

5 (17) октября 1854 г. началась первая бомбардировка Севастополя. Рано утром, едва началась канонада, Корнилов отправился на объезд бастионов. Воздух буквально разрывался от грохота вражеских орудий и свиста пролетавших бомб и ядер. Вот как описывал бомбардировку Севастополя один из участников обороны: «Город несколько раз зажигался, но успевали тушить огонь. Укрепленные линии наши, только что насыпанные большей частью из земли со щебнем и неуспевшие еще окрепнуть скоро осыпались от неприятельского огня. Но люди немедленно очищали землю от орудий, исправляли разрушенное насколько могли. И опять наши орудия отвечали неприятелю с новой силой. Адмирал Нахимов сам наводил орудия, показывая пример; но комендоры орудийные, и без того увлеченные отвагой, не давали орудиям своим отдыха, и приказано против частой стрельбы поливать орудия водой.

Несмотря на страшный огонь, женщины подносили воду для раненых, томившихся жаждой; на бастионы их влекла неизвестность о своих близких, подвергавшихся такой страшной опасности. Корнилов дозволил арестантам носить раненых, и люди эти с особым усердием исполняли свою должность».

Услышав, что защитники 3-го бастиона терпят сильный урон, адмирал Корнилов поскакал туда. Офицеры уговаривали адмирала поберечь себя, но тот отрезал: «Раз другие исполняют свой долг, то почему же мне мешают исполнять свой!» И уже в 11.30 на Малаховом кургане он был смертельно ранен неприятельским ядром, раздробившим левую ногу у самого живота. Офицеры подняли его на руки и положили за бруствером между орудиями. Он еще успел сказать: «Отстаивайте же Севастополь», после чего потерял сознание, не испустив ни одного стона. На перевязочном пункте адмирал пришел в себя, причастился и послал предупредить жену. Собравшимся он сказал: «Рана моя не так опасна, Бог милостив, я еще переживу поражение англичан». Но ранение оказалось смертельным. К вечеру Владимир Алексеевич скончался. Последними его словами были: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна. Благослови Господь Россию и Государя! Спаси Севастополь и флот!» В ответ на известие о подбитых английских батареях, он сумел вымолвить через силу: «Ура! Ура!»

Первыми почтили память адмирала матросы и солдаты: на Малаховом кургане, на месте, где он упал, сраженный ядром, они выложили крест из бомб, вкопав их до половины в землю. «Славная смерть нашего любезного, почтенного Корнилова, – писал государь Николай Павлович князю А. С. Меншикову, – меня глубоко огорчила. Мир праху его! Вели положить его рядом с незабвенным Лазаревым. Когда доживем до спокойных времен, поставим памятник на месте, где убит, и бастион назвать по нем». Теперь оборону города возглавил вице-адмирал П. С. Нахимов.

После бомбардировки 5 (17) октября англичане, французы и турки не решились идти на штурм. Началась осада Севастополя.

Ненастные ноябрь и декабрь 1854 год атяжело переживались как русскими, так и союзниками. В ходе зимних бурь в крымских бухтах утонуло несколько транспортов с запасами. В войсках обеих сторон, особенно у французов, болезни вывели из строя массу людей. Севастопольский гарнизон воспользовался ослаблением огня осаждающих для усовершенствования оборонительной линии, постройки передовых укреплений, закладки камнеметных фугасов, устройства стрелковых ложементов. Малахов курган, II, III, IV и V бастионы были обращены в самостоятельные опорные пункты. С половины

декабря под руководством главного инженера Севастополя полковника Тотлебена началась минная борьба, в которой русские саперы имели постоянное преимущество. Непрестанные вылазки партий бесстрашных охотников заставляли осаждающих держать в траншеях все время много войск. За ноябрь и декабрь вооружение сухопутного фронта возросло вдвое – в последних числах декабря русскими было поставлено 700 орудий, а гарнизон города усилился подошедшей с Дуная 8-й пехотной дивизией.

Длительная осада рождала своих героев. В ходе частых вылазок, перестрелок с неприятелем, долгой минной войны отличилось немало русских солдат и офицеров. Имена некоторых героев надолго остались в памяти защитников Севастополя.

«Прапорщик Бородинского полка Махов вскочил первым на одну из неприятельских батарей, увлекая за собой людей своих; но был тут же убит на неприятельской пушке.

Командир Бородинского полка, полковник Веревкин, несмотря на полученную рану, справлялся все время о знаменах полка и внушал людям их беречь.

В Углицком полку говорили об юнкере Семенове, особенно горячо рвавшемся на неприятельские батареи.

В Охотском полку при одном из отступлений с батарей был убит знаменщик; двое из солдат прошли уже мимо лежавшего на земле знамени, не заметив его, но потом, увидев, что нет знаменщика, они бросились назад, нашли знамя и успели его доставить к части благополучно.

В Минском полку полковой адъютант Постольский с охотниками бросился вперед на французскую батарею против 6-го бастиона, захватил ее и заклепал орудия».

Одним из самых знаменитых защитников черноморской крепости был матрос 36-го экипажа Петр Маркович Кошка. В Севастополе о нем ходило немало легенд. Жители города и солдаты с матросами наперебой описывали его подвиги, настоящие и мнимые. Ветеранам обороны наиболее запомнился следующий поступок отчаянного матроса: «После одной из вылазок, бывших в январе 1855 года, в неприятельских траншеях остался убитым один из флотских унтер-офицеров. Неприятель замерзший труп выставил наружу, прислонив к насыпи. Обидным показалось нашим матросам такое глумление над трупом, и унтер-офицера этого знали за хорошего человека; жалко им стало, что за храбрость его вместо награды досталось ему позорище. Вот Кошка и вызывается сходить и принести этого унтер-офицера. Капитан-лейтенанту Перекопскому, на батарее которого находился Кошка, показалось слишком рискованным

дать такое распоряжение. Потом, однако же, было получено разрешение начальника оборонительной линии контр-адмирала Панфилова. Перед рассветом Кошка, надевши грязный серый мешок, что его нельзя было отличить от земли, стал ползти, часто залегая и останавливаясь, чтобы противник не так скоро его заметил; это продлило его переход, так как стало уже светло, когда Кошка уже достиг развалившейся стенки хутора, от которой до трупа оставалось еще 100 шагов.

Кошка не решился идти дальше, а засел за стенкой в ожидании вечера. Полагая, что утром он уже вернется, Кошка не взял хлеба с собой, и должен был целый день голодный, в виду батареи Перекопского, лежать под стенкой, не смея шевельнуться. Чтобы не обнаружить себя.

Наконец, после слишком длинного для Кошки дня наступил вечер. Кошка улучил минуту, когда англичане стали сменяться в траншеях, пополз дальше. Добравшись до трупа, он быстро вскинул его себе на спину и бросился с ним бежать на свою батарею.

Англичане сразу не разобрали, что такое это двигается, и Кошка благополучно пробежал уже полдороги, но потом стали стрелять, и пять пуль попали в труп. Кошка же благополучно добежал до своей батареи. За этот подвиг адмирал Панфилов представил матроса к военному ордену (Св. Георгия)».

За подвиги, совершенные при обороне Севастополя, матрос Петр Кошка три раза награждался Знаком отличия военного ордена Св. Георгия (с 1913 г. – Георгиевский крест). После окончания службы герой проживал у себя на родине в селе Ометицы Подольской губернии. Петр Кошка скончался 25 февраля 1882 г., когда, спасая двух девочек, провалившихся под лед, заболел горячкой. Он был похоронен на местном кладбище, но могила не сохранилась.

В марте 1855 г. Николай I пожаловал П. С. Нахимова в адмиралы. В мае доблестного флотоводца наградили пожизненной арендой, но Павел Степанович досадовал: «На что мне она? Лучше бы мне бомб прислали».

Вот что писал об этом полководце известный советский ученый Е. В. Тарле: «Нахимов в своих приказах писал, что Севастополь будет освобожден, но в действительности не имел никаких надежд. Для себя же лично он решил вопрос уже давно и решил твердо: он погибает вместе с Севастополем. «Если кто-либо из моряков, утомленный тревожной жизнью на бастионах, заболев и выбившись из сил, просился хоть на время на отдых, Нахимов осыпал его упреками: «Как-с! Вы хотите-с уйти с вашего поста? Вы должны умирать здесь, вы часовой-с, вам смены нет-с и

не будет! Мы все здесь умрем; помните, что вы черноморский моряк-с и что вы защищаете родной ваш город! Мы неприятелю отдадим одни наши трупы и развалины, нам отсюда уходить нельзя-с! Я уже выбрал себе могилу, моя могила уже готова-с! Я лягу подле моего начальника Михаила Петровича Лазарева, а Корнилов и Истомин уже там лежат: они свой долг исполнили, надо и нам его исполнить!» Когда начальник одного из бастионов при посещении его части адмиралом доложил ему, что англичане заложили батарею, которая будет поражать бастион в тыл, Нахимов отвечал: «Ну что ж такое! Не беспокойтесь, мы все здесь останемся».

В последних числах апреля и начале мая 1855 г. неприятельская армия получила значительное подкрепление. Силы союзников насчитывали до 170 000 человек (100 000 французов, 25 000 англичан, 28 000 турок, 15 000 сардинцев). У русских в Крыму было 110 000 сабель и штыков при 442 полевых орудиях. Из этого количества собственно гарнизон Севастополя составляли 46 000 человек и 70 полевых орудий.

Пользуясь господством на море, союзники 12 мая заняли Керчь и предприняли ряд десантных операций на Черноморском и Азовском побережьях. Были разорены Анапа, Геническ, Бердянск, Мариуполь. Войска «просвещенных европейцев» вели себя в этих разбойничьих экспедициях хуже людоедов, не щадя ни женщин, ни детей.

Французский император Наполеон III повелел произвести общий штурм Севастополя 6 июня – в годовщину Ватерлоо. 4 июня 1855 г. началось четвертое бомбардирование. У союзников действовало 548 орудий, у севастопольцев – 549. Однако неприятель располагал по 400–500 зарядов в боевом комплекте, тогда как у русских было всего 140 на пушку и всего по 60 на мортиру.

На рассвете 6 июня 1855 г. 41 000 союзников пошли на приступ Севастополя, направив удар на I, II бастионы и Малахов курган (французы) и III бастион (англичане). У нас здесь было 19 000 штыков под командованием генерала Хрулева. Отчаянный начальник, он отдал короткий приказ: «Отступления нет!»

Штурм был блистательно отбит по всему фронту. До рассвета, в 2 часа 45 минут ночи, французская дивизия генерала Мейрана, не выждав условного сигнала, бросилась на I и II бастионы. Однако менее чем в десять минут она была расстреляна и сам Мейран убит. Главные силы французов, атаковавшие в 3 часа, трижды были отражены от Малахова кургана. Однако атака на промежуток между Малаховым и III бастионом увенчалась успехом – батарея Жерве была взята

французами, ставшими обходить Малахов курган. В эту критическую минуту появился Хрулев. Схватив возвращавшуюся с окопных работ мушкетерскую роту Севского полка, он бросился с ней в атаку со словами: «Благодетели мои, за мной, в штыки. Сейчас придет дивизия!»

Внезапная атака этой горсточки героев спасла положение. Русские пехотинцы были поддержаны шестью батальонами Полтавского, Елецкого и Якутского полков. Батарея Жерве отобрана, но храбрый командир Севской роты штабс-капитан Островский за успех заплатил жизнью. Двукратная атака англичан на III бастион отбита, и к 7 часам утра все было кончено. Наши потери – 132 офицера, 4792 нижних чина, у союзников убыло 7000 человек.

28 июня (10 июля) 1855 года, во время объезда передовых укреплений на Малаховом кургане П. С. Нахимов погиб. Офицеры пытались уберечь своего командующего, уговаривая его уйти с кургана, который в тот день обстреливался особенно интенсивно. «Не всякая пуля в лоб», – ответил Нахимов и в ту же секунду был смертельно ранен пулей, попавшей именно в лоб.

Вот свидетельство одного из допущенных к одру умирающего адмирала, изложенное Тарле: «Войдя в комнату, где лежал адмирал, я нашел у него докторов, тех же, что оставил ночью, и прусского лейб-медика, приехавшего посмотреть на действие своего лекарства. Усов и барон Крюднер снимали портрет; больной дышал и по временам открывал глаза; но около 11 часов дыхание сделалось вдруг сильнее; в комнате воцарилось молчание. Доктора подошли к кровати. «Вот наступает смерть», – громко и внятно сказал Соколов, вероятно, не зная, что около меня сидел его племянник П. В. Воеводский… Последние минуты Павла Степановича оканчивались! Больной потянулся первый раз, и дыхание сделалось реже… После нескольких вздохов он снова вытянулся и медленно вздохнул… Умирающий сделал еще конвульсивное движение, еще вздохнул три раза, и никто из присутствующих не заметил его последнего вздоха. Но прошло несколько тяжких мгновений, все взялись за часы, и, когда Соколов громко проговорил: «Скончался», – было 11 часов 7 минут… Герой Наварина, Синопа и Севастополя, этот рыцарь без страха и укоризны, окончил свое славное поприще».

Целые сутки, днем и ночью вокруг гроба толпились матросы, целуя руки адмирала, сменяя друг друга, возвращаясь к гробу сразу же, как только получалась возможность уйти с бастионов. Письмо одной из сестер милосердия восстанавливает перед нами шок от смерти Нахимова. «Во второй комнате стоял его гроб золотой парчи, вокруг много подушек с орденами, в головах три

адмиральских флага сгруппированы, а сам он был покрыт тем простреленным и изорванным флагом, который развевался на его корабле в день Синопской битвы. По загорелым щекам моряков, которые стояли на часах, текли слезы. Да и с тех пор я не видела ни одного моряка, который бы не сказал, что с радостью лег бы за него»

Похороны Нахимова запомнились очевидцам навсегда. «Никогда я не буду в силах передать тебе этого глубоко грустного впечатления. Море с грозным и многочисленным флотом наших врагов. Горы с нашими бастионами, где Нахимов бывал беспрестанно, ободряя еще более примером, чем словом. И горы с их батареями, с которых так беспощадно они громят Севастополь и с которых они и теперь могли стрелять прямо в процессию; но они были так любезны, что во все это время не было ни одного выстрела. Представь же себе этот огромный вид, и над всем этим, а особливо над морем, мрачные, тяжелые тучи; только кой-где вверху блистало светлое облако. Заунывная музыка, грустный перезвон колоколов, печально-торжественное пение… Так хоронили моряки своего Синопского героя, так хоронил Севастополь своего неустрашимого защитника».

Смерть адмирала П. С. Нахимова предопределила сдачу города. После двухдневной массированной бомбардировки 28 августа 1855 г. французские войска генерала Мак-Магона при поддержке английских и сардинских частей начали решительный штурм Малахова кургана, который закончился взятием господствовавшей над городом высоты. Причем судьбу Малахова кургана решило упорство Мак-Магона, который в ответ на приказание главнокомандующего Пелисье отойти, ответил: «Я остаюсь здесь». Из 18 пошедших на штурм французских генералов были убиты 5, а 11 ранены. В ночь на 9 сентября 1855 г. русские войска, взорвав склады и укрепления и разведя за собой понтонный мост, в полном боевом порядке отошли на Северную сторону Севастополя. Через два дня были затоплены остатки Черноморского флота.

После оставления Севастополя война из тесных траншей перенеслась в дипломатические салоны. Граф Алексей Федорович Орлов, брат первого в русской истории декабриста Михаила Орлова, изо всех сил вел переговоры, стараясь отстоять честь России. Однако факт военного поражения способствовал выдвижению довольно суровых требований со стороны Англии и Франции.

В итоге 18 (30) марта был в Париже подписан мирный договор. По его условиям Россия возвращала туркам город Карс с крепостью, получая в обмен захваченный у нее Севастополь,

Балаклаву и другие крымские города. Черное море объявлялось нейтральным, то есть открытым для коммерческих и закрытым для военных судов в мирное время. России и Османской империи запрещалось иметь на Черноморском побережье военные флоты и арсеналы. Россия лишалась предоставленного ей Кючук-Кайнарджийским миром 1774 года протектората над Молдавией и Валахией и исключительного покровительства России над христианскими подданными Османской империи.

Копылов Н. А.